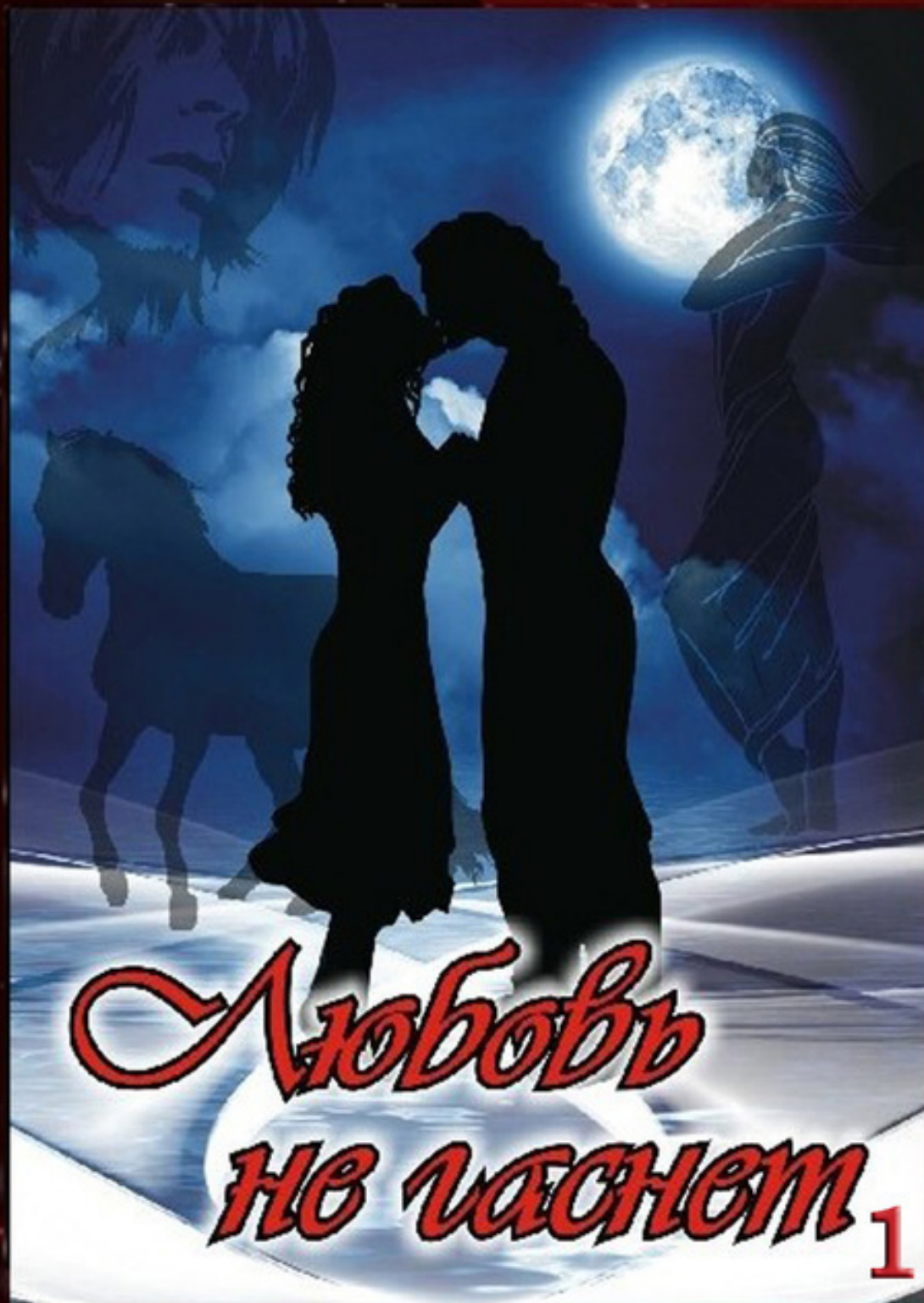

НЕОНИЛЛА
ОСТРОВ
В ОКЕАНЕ

@ЭЛИТА

12+

Любовь не гаснет

Неонилла Неонилла

Остров в океане

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Неонилла Н.

Остров в океане / Н. Неонилла — Электронное издательство "Аэлита", 2013 — (Любовь не гаснет)

Бог послал своего сына не только на Землю – Христос посетил много миров, и везде он нёс свет любви и добра. Не везде люди следовали его заветам, но где следовали, там жили мирно и счастливо. Но идиллия острова богом избранного народа на далёкой планете грубо нарушается пришельцами из «Большого мира», алчущими «злата» и готовыми истребить тысячи невинных людей ради своих корыстных целей. В водоворот событий оказываются брошенными два любящих сердца – юноши и девушки. Вот только как понять, где истинная любовь? Ведь и здесь, как всегда, присутствует «любовный треугольник»...

© Неонилла Н., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

1	6
2	7
3	11
4	13
5	15
6	18
7	19
8	20
9	21
10	22
11	25
12	27
13	30
14	33
15	34
16	36
17	38
18	41
19	43
20	45
21	46
22	47
23	49
24	51
25	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Неонилла Остров в Океане

© ЭИ «@элита» 2013

* * *

1

Король смотрел с балкона своего замка, как мощные порывы ветра, продувая лес, кружат над старым городом Хамсоном. Прохладное дыхание океанских волн несло за собой освежающий и успокаивающий аромат.

Обычно всегда уверенный в себе и жизнерадостный, король изменился за последнее время. Он стал задумчив, взгляд его погрузнел, и он сам не понимал, что с ним происходит. Раздумье приносило лишь усталость – такую, что сейчас он даже не услышал шагов подошедшей супруги.

– Что с тобой, дорогой, ты не болен? Чем ты так опечален? Пойдем, уже холодно, ты весь промок.

Король перевел усталый взгляд на обеспокоенную супругу – она чуть вздрогнула.

– Господи, Тавын! Что с тобой? Ты плачешь?

Тавын сам не заметил, когда на глазах появились слезы.

– Не беспокойся, Омеана, это от ветра. Иди, я еще немного побуду здесь. Попроси, пусть позовут Гуатра.

– Хорошо, любимый, как скажешь, – Омеана не стала спорить и удалилась.

Вскоре на балкон вышел тот, кого позвал король.

– Тавын, я пришел... – сказал Гуатр. – У тебя такие грустные глаза, словно они наблюдают приближение конца света, – шутливо молвил старый друг, но, увидев в ответ строгий взгляд, сделался более серьезным, гадая, отчего его присутствие оказалось столь важным в этот момент.

– Шуткам не место здесь, Гуатр. Надо поговорить. Меня мучают странные, тяжелые мысли и предчувствия. И самая тревожная из них – сможем ли мы сохранить свободу и наш прекрасный остров?

Гуатр удивился еще более:

– Да ведь нет оснований для печали! Наш народ жил веками свободным, счастливым, и мы продолжаем идти дорогой предков.

– Нет оснований, говоришь? – переспросил король и поглядел вдаль.

Верный друг, правая рука короля Гуатр молча наблюдал за Тавыном и не мог понять, что же того беспокоит. «У нас идет праведная жизнь, – думал он, – мы – избранный народ и живем под рукой Господа. В чем же причина волнений Тавына?..»

Ветер крепчал, деревья скрипели, сопротивляясь яростной силе. Небо потемнело, будто ночь внезапно спустилась на землю в самый разгар дня. Сверкнула молния и громыхнуло – хлынул дождь.

Гуатр подумал: «Есть какое-то сходство между сегодняшней погодой и Тавыном, что-то их волнует. Король вчера вернулся с охоты вялый. Таким он обычно бывает, когда народ его чем-то обеспокоен. Но сейчас вроде бы нет поводов для беспокойств...»

Король взмахнул рукой в момент, когда очередная молния осветила горизонт:

– Посмотри, вся наша земля утопает в зелени, будто одна из девушек соткала ковер удивительной красоты или художник нарисовал замечательную картину. Как я люблю нашу землю! Смотришь на речку с чистой хрустальной водой – камни в ней кажутся ожерельями, золото всего мира не сравнится с нашей прекрасной землей. И все это я боюсь потерять!

Волнистые, черные с проседью, разметавшиеся по плечам волосы короля стали мокрыми. Удрученный взгляд был устремлен на окружающие Хамсон горы.

– Пойдем друг, а то простудишься. Продолжим беседу за шахматной игрой. Королева волнуется, да и тебе нужно переодеться...

Они спустились с галереи в замок, погруженные в свои мысли.

2

Замок был построен на вершине Хамсонской горы. Когда он погружался в туман, то казался окутанным белой вуалью, сквозь которую виднелись золотые купола башен, высившихся по четырем его углам. Галерея, опоясывавшая все строение, начиналась у главных ворот, где по сторонам стояли мастерски вырезанные из камня статуи атлантов. Вид из окон завораживал: крутые склоны, покрытые густыми лиственными лесами, спускались к прорезавшей горы реке Онтур, и вся Хамсонская долина открывалась, как на ладони.

Королева Омеана была единственной дочерью графа Монтеней, одного из ближайших помощников короля, оставшегося после смерти жены холостяком. Первое время граф даже не подходил к малышке, считая ее причиной смерти супруги. Когда няня приносила ребенка, он со смешанными чувствами смотрел на маленькое беспомощное существо, вспоминая жену на смертном одре.

«Монтеней, – сказала она перед смертью, – я тебя покидаю, значит, так угодно Богу, но оставляю тебе дочь. Назови ее Омеаной. Не только будь ей отцом, но и замени мать. Да благословит вас Господь!» Она долго еще держала руки мужа в своих руках, а потом тихо закрыла глаза – навечно.

С тех пор прошел двадцать один год. Монтеней любил свою дочь больше всего на свете. Она была очень красива – высокая, статная, а черные, волнистые, до пояса волосы и карие глаза под длинными густыми ресницами делали ее еще прекрасней.

С Тавыном они познакомились в Гарвее, когда приехали в гости к князю Рамеду – дяде Омеаны по матери. Однажды князь, зная любовь племянницы к верховой езде, подарил ей необыкновенной красоты породистого скакуна – гордого вороного, в глазах которого пылал огонь. Омеана души не чаяла в своем скакуне и назвала его Ягуаром.

У Рамеда был сын Фанетей, сын, ровесник Омеаны. Жена Рамеда, да и он сам любили племянницу как родную дочь и были не прочь свести их со своим отпрыском. Тетушка часто подшучивала над Омеаной:

– Омеана, а Омеана, когда же ты обратишь внимания на двуногого Ягуара – моего сына? Не дождусь дня, когда смогу повеселиться на вашей свадьбе.

Тогда еще никто не думал, что придет час, и Омеана увидит молодого принца, отдаст ему свое сердце.

– Знаешь, кто к нам приедет? – сказал как-то утром отец. – Сам король со своей семьей. Дочка, ты красива как ангел. Когда я смотрю на тебя, мне кажется, твоя мать стоит передо мной.

– Отец, прошу тебя...

– Хорошо, хорошо, не буду грустить. Я хочу, чтобы ты привела себя в порядок. Король Урган будет с минуты на минуту, принц Тавын тоже приедет. – Улыбаясь, Монтеней потянул ее за кончик носа. Он так делал всегда, когда бывал в хорошем настроении.

Когда Омеана вошла в гостиную, гости уже сидели за большим столом, уставленным разными яствами. Король Урган, увидев Омеану, улыбнулся и спросил:

– Кто эта красавица? Не твоя ли дочь, Монтеней?

В этот миг Омеана встретила пристальный взгляд Тавына – юноша был ослеплен ее красотой. Он замер, а когда их взгляды встретились, Омеана услышала голос его души, прошептавший о будущей прекрасной жизни. Мать Тавына, королева Хагана, заметив растерянность девушки, подозвала ее к себе.

После обеда хозяева показывали королю и королеве достопримечательности Гарвеи, а Тавын и Омеана остались одни. Юноша зачарованно смотрел на девушку, и, подойдя поближе, взял за руку и проговорил:

– Не знал, что у графа Монтеней в саду растет столь прекрасный цветок... по имени Омеана.

В эту минуту вошел Фанетей, в его взгляде промелькнула ревность. Тавын, уловив неприязнь молодого человека, спросил:

– Это, верно, твой друг и верный рыцарь?

Омеана смутилась, но потом взяла юношей под руки и чтобы сгладить возникающую неловкость, повела в сад.

– Сейчас я вам покажу своего Ягуара, – пообещала она гостю.

– А кто это? – удивился Тавын.

Фанетей, улыбаясь, ответил:

– Сейчас увидишь – она больше жизни любит его. Никто ее не нужен, кроме ее коня!

Омеана заметила, что теперь уже в глазах Тавына блеснула ревность. Ее красивое лицо зарумянилось при мысли о том, что шутка немного взбудоражила юношу; она звонко рассмеялась и убежала.

Тавын смотрел на Фанетея заинтересованно и выжидательно, а тот молчал, интригуя улыбаясь. Не прошло и десяти минут, как Тавын увидел Омеану верхом на грациозном черном жеребце.

Когда девушка подъехала к ним, Фанетей, беря коня под уздцы, довольно произнес:

– Теперь ты понял, кто такой Ягуар?

Этот день пролетел для них, как один миг. Король решил возвращаться домой назавтра после обеда, и в эту ночь Тавын не мог сомкнуть глаз. При мысли о том, что он уедет завтра и более не увидит Омеану, ему стало не по себе. Так всю ночь он думал о ней и если бы знал, что то же самое происходит в эти часы с девушкой, считал бы себя самым счастливым человеком на белом свете.

Утром, встретив Омеану в саду, Тавын спросил:

– Надеюсь, ты меня проводишь?

– Не хочу видеть, как ты уезжаешь! Мне уже грустно... – откровенно призналась она.

Когда Тавын подошел к ожидавшим его родителям, мать заметила печальные глаза сына и переглянулась с отцом: стало ясно, что мальчик влюбился...

Потом потянулось время – день за днем, месяц за месяцем.

В один из вечеров Монтеней направился в сад, но дочери там не оказалось. Поискав, граф нашел ее в конюшне – Омеана расчесывала гриву Ягуара.

– Чем опечалена моя прелесть? – спросил он. – А, кажется, догадываюсь... Иди ко мне, поделись с отцом.

Обняв его, Омеана заплакала.

– Ну, ну, что за детские слезы?.. – промолвил граф, целуя дочь в голову. – Хочу сообщить тебе радостную весть о приезде к нам короля Ургана и его сына.

– О, Тавын приезжает?!

– Теперь я угадал твои мысли? Король заботиться о своем народе, но я уверен, он приезжает не только по житейским делам, – Монтеней привычным жестом погладил бороду. – Не грусти, лучше помоги подготовиться к приему гостей, уверен, они остановятся у нас.

– Ты у меня лучше всех! – воскликнула Омеана и, поцеловав отца, побежала в сад с криками: – Няня, няня, помоги мне выбрать платье!

– Ха-ха-ха! – от души расхохотался граф. – Вот завтра и спрошу: я лучше всех или Тавын?

Всю ночь Омеана представляла встречу с Тавыном и не заметила, как уснула. Проснулась она уже утром, разбуженная няней.

– Ой, который час? – испугалась она. – Гости приехали?

– Нет, нет, успокойся, дочка, ты ведь сама мне сказала разбудить тебя рано, вот я и разбудила.

– Няня, я видела прекрасный сон. Мы с Тавыном на Ягуаре летим над Хамсоном, он крепко обнимает меня, протягивает руку к небу, в его ладони вдруг оказывается красная роза.

– Добрый сон, девочка моя. Твой возлюбленный возьмет тебя замуж!

– Ой, няня! Как я мечтаю быть его избранницей!

– А как же Фанетей? Он ждет, не дожидается твоей руки.

– Об этом потом поговорим! Сейчас помоги мне одеться, я хочу быть самой красивой.

Когда она спустилась в гостиный зал, отец уже отдавал указания готовиться к приезду гостей. Он удивился столь раннему пробуждению дочери и сообщил, что ее в саду у качелей ждет Фанетей.

– Вам, видно, обоим не спится, – со смехом добавил Монтеней.

И, действительно, юноша ждал девушку в саду.

– Доброе утро, Фанетей. Что ты делаешь здесь так рано?

– Тебя жду, Омеана... Мы вместе росли и знаем друг друга. Но я хочу... хочу сказать, что буду просить твоей руки. И знаешь... вся наша семья об этом мечтает.

Он подошел ближе, взял ее руки в свои.

– Нет, Фанетей, нет... – Омеана осторожно, чтобы не обидеть, отвела его руки. – Давай не будем говорить об этом сегодня.

– Ты отказываешь ради него?

– Ради кого?

– Ты сама понимаешь, о ком я говорю. Скажи честно, если бы ты не встретила его, вышла бы за меня замуж?

– Может, и вышла бы, но, не ведая душевной любви. Если бы мы встретились с ним позже, все равно осталась бы тебе верной женой, но душа моя стала бы принадлежать другому. А это с моей стороны было бы нечестно, ты такого не заслужил. Поэтому пусть между нами останется дружба – ты будешь мне самым верным другом.

– Омеана, ты ведь его так мало знаешь – полгода не прошло с вашего знакомства! И разве он объяснялся тебе в любви?

От столь прямого вопроса девушка даже растерялась. Действительно, их знакомство с принцем длилось всего три дня. «А если Тавын не скажет о своих чувствах? О нет, Господи!.. – чуть не простонала она вслух, то тут же подумала: – Нет-нет, его глаза таили в себе не высказанные чувства. Я не безразлична ему!».

– О чем задумалась, Омеана?

– Тавын приезжает сегодня...

– Омеана, если ты не уверена в своих чувствах... – Фанетей привлек ее к себе, желая поцеловать.

– Отпусти, слышишь!

Резкий, настойчивый голос привел его в чувство.

– Прости меня, Омеана. Не сердись, пусть все покажет время.

– Забудем об этом. Пойдем в замок.

Наконец послышался топот копыт и ворота замка открыли, встречая долгожданных гостей. Тавыну хотелось поскорей увидеть любимую, и та уже издали заметила, как он ищет ее взглядом.

После завтрака мужчинам предстояли государственные дела, занявшие у них весь день. Солнце уже покинуло долину, но до заката оставалось некоторое время, и после ужина молодые люди встретились в саду, где сын короля открылся Омеане. Страхи девушки оказались напрасными – Тавын сразу же рассказал о своих чувствах, и она с радостью приняла его предложение, заверив, что с Фанетеем они не более чем друзья.

После этого молодые люди долго гуляли в саду, любуясь закатом и засверкавшими вскоре звездами.

На следующий день за завтраком граф Монтеней сообщил, что через три дня состоятся скачки, где Омеана и другие девушки вручат призы победителям. После этого Тавын подошел к Фанетей и юноши вышли из гостиной.

– Фанетей, я бы хотел поговорить с тобой, – сказал Тавын. – Наверное, ты тоже будешь соревноваться? Получить из рук Омеаны приз – большая честь...

– Если принц против моего участия, пусть скажет открыто!

– Зачем так официально? Я знаю о твоих чувствах к Омеане, но выбор за ней: вчера вечером я предложил ей руку и сердце, она дала согласие. Мы любим, друг друга, но хочется так же остаться и с тобой друзьями.

– Увы, прошлым утром, до твоего приезда, она отвергла мое предложение, сделав выбор.

– Тогда пожмем руки друг другу!

Оставшись наедине с Монтенем, Омеана попросила благословения, сообщив, что Тавын предложил ей руку и сердце.

– Но, мой шурин хотел тебя видеть невесткой в своем доме... – с сомнением сказал граф.

– Мы с Фанетеем обо всем поговорили, – ответила девушка, – он знает о моей любви к Тавыну, а ты ведь и сам не одобряешь браки без любви. Что до скачек, то я хочу подарить Тавыну Ягуара, пусть он победит.

– Но Ягуар же дорог тебе!..

– Дорог, поэтому и дарю дорогому человеку... – покраснев ответила девушка.

Три дня для влюбленных пролетели незаметно, и вот наступил день соревнований.

Сотни всадников с нетерпением ждали, когда судья опустит платок, привязанный к острию копья, и, наконец, сигнал был подан. Кони помчались во весь опор, крики болельщиков смешались с топотом копыт. Каждый из всадников хотел вырваться вперед, но пока всех опережал Фанетей.

– Ах, отец! Не может быть, чтобы наш Ягуар не победил!

– Может, он не слишком хорошо слушает седока? Ведь этот конь верен только тебе.

– Если он мне верен, то должен быть верен и новому хозяину! А, что теперь с ним – неужели мстит? Я же с ним говорила. Как же так, Ягуар, я так в тебя верю, ты должен победить, ради меня!..

В этот момент конь, словно услышав приказ хозяйки, понесся, как стрела, да так, что Тавын едва удержался в седле. И как ни прищипывал своего коня Фанетей и другие участники гонки, Ягуар, словно молния, домчался до финиша, не оставив никому шансов.

Сорвав белый платок с острия копья, Тавын преподнес его Омеане:

– Надеюсь, победитель имеет право на поцелуй руки дамы?

Омеана взволнованно дышала от радости: победа Тавына была для нее добрым предзнаменованием, обещавшим долгую и счастливую жизнь...

3

Голос Тавына оторвал Омеану от воспоминаний:

– Я сегодня поздно лягу, судьба моя. Гуарт ждет меня в зале Совета, мы с ним обсудим кое-какие дела.

Король знал Гуатра с юношеских лет – в те давние годы Гуатр как-то спас Тавыну жизнь во время рыбалки на море, и с тех пор началась их дружба. Когда Тавын был избран королем как и его отец, он захотел, чтобы вокруг него были такие же молодые и верные люди, как его друг. Но это совсем не означало, что он кого-то опасался, ведь люди на этой земле жили под милостью Господа Бога. Барон Гондес, старый друг отца Тавына, ведавший до этого всеми делами в замке, одобрил решение молодого короля взять Гуатра во дворец не только главным управляющим, но и ответственным за военную подготовку, потому что юноша был прирожденным бойцом и отличался ясным умом. И за многие годы службы Гуатр оправдал доверие короля и народа.

С давних времен титулы у христосцев были категорией весьма условной, и какого-то сословного деления не присутствовало. К человеку обращались в зависимости от того, каким ремеслом он занимался. Если он вел духовное общение, называли «батюшка», «отец»; если владел глубокими знаниями, умел врачевать – «учитель», «целитель». А если способен был руководить, организовывать работу или имел навык военных действий – «граф», «князь», «король». В быту, в повседневной жизни люди чаще называли друг друга просто «брат», «сестра», «отец», «матушка» – независимо от рода занятий. Главным для них оставалось нести миссию уважения и братской любви друг к другу.

Люда в этом государстве были очень трудолюбивы. Своими руками ткали ковры и гобелены, занимались рыбалкой, охотой. Сеяли хлеб, выращивали сады, овощи, виноградники и занимались виноделием. Добывали в горах золото и алмазы, а мастера делали из них замечательные украшения. Одним словом, люди жили здесь богато и счастливо. Границ других стран они никогда не нарушали, и нередко удивлялись тому, что другие народы не могут жить так, как они – мирно, без обмана, алчности и оскорбления человеческого достоинства.

Каждый выходной день недели христосцы проводили время в молитве к Богу. После общения с Господом, они часто проводили турнирные бои, соревновались во владении мечом, стрельбе из лука, метании копья. Если гарванцы, хашманцы умели ткать красивые ковры и ткани, то хамсонские мастера-кузнецы ковали такие мечи, что можно было разрубить камень. На каждой рукояти чеканился старинный, загадочный узор и крепилась голова коня из золота, что было знаком верности своему народу, и каждый взрослый христосец носил меч, прежде всего, как символ мужества.

Жители острова одевались просто: мужчины в бархатные одежды длиной до середины бедра, на поясе – широкий кожаный ремень; обувались в легкие хромовые сапоги с голенищем до колена; в холодную погоду набрасывали плащ. В жару передевались в туники из легкого батиста и кожаные сандалии с крестообразным переплетом. Женщины одевались так же, но одежда была более длинная, свободная. В их манере одеваться земляне нашли бы некоторое сходство с одежаниями древних римлян. Вера в Иисуса Христа была для жителей острова единственной; все оставались просто христианами и не представляли, что где-то может существовать деление на православных, католиков или протестантов.

Войдя в зал, король сказал:

– Гуатр, за много лет нашей дружбы ты хорошо узнал меня. Мне никогда не удавалось скрыть от тебя моих чувств. Я уже не слишком молод, и у меня на душе тревога. Мы с Омеаной очень переживаем, но не показываем вида друг другу. Нам очень хотелось бы иметь ребенка, и жаль, что мои старые родители так и не смогли увидеть внуков... Эх, Гуатр, наверное, мы

с тобой постарели душой или в чем-то грешны, что Бог не дарит нам детей, а молодость уже проходит...

– Тебе ли говорить о старости! Мы еще воспитаем детей и внуков, не сомневайся. Кстати, я чуть не забыл сообщить тебе важную новость. В горах живет один старец. Он целитель, именем Христа он лечит людей, но он еще и предсказатель, один из тех, кто хранит легенды наших предков и сокровенное знание. Он очень стар, говорят, ему за сто лет уже. От него прибыл человек – старец хочет увидеться с тобой. Если позволишь, завтра отправим за ним гонца.

Король серьезно посмотрел на Гуатра и, приняв решение, ответил:

– Пожалуй, ты прав, но это будет неуважение к старцу – везти его сюда. Лучше поедем туда сами, заодно немного проветримся на горных тропах.

– Ну что, значит – завтра?

– Да, а пока сразимся в шахматы. Посмотрим, как будешь защищаться от моей ладьи! – сказал король, хлопая друга по плечу.

4

Ранним утром все было готово к отъезду. Вороной конь, потомок легендарного Ягуара, бил копытом о землю, в ожидании хозяина. Тавын, садясь в седло, потрепал его гриву:

– Эх, верный друг, мы оба с тобой стареем, только ты еще быстрее, чем я.

В сопровождающие они взяли Сандора, ученика старца, и тронулись в путь. Гуатр спросил:

– Омеана знает, куда мы отправились?

– Пока нет. Честно говоря, я еду не только душу лечить, но и получить разумный совет. Не иметь наследника – не беда, народ выберет достойного человека, способного сохранить на острове братолюбие. Но вот что за предчувствия меня мучают? Об этом и стоит спросить старца.

Через два дня к вечеру они добрались до подножия скалистых Хамсонских гор. Гуатр предложил остановиться на ночлег:

– Близится ночь, кони могут поранить ноги и сбиться с пути. Разожжем здесь костер, с утра тронемся в путь, а к вечеру, если не ошибаюсь, будем на месте.

– Как считаешь нужным, так и поступай, – ответил король.

Пока они устраивались, Тавын слушал, как в тишине леса, под теплым, ласковым дуновением ветра шептались листья деревьев. Этот шорох листвы был не только приятен, но развеивал грусть. Правой рукой Тавын придерживал рукоять меча с изображением золотой головы коня. Он стоял неподвижно, как часовой, будто хотел защитить тишину леса...

Утром они снова двинулись в путь, и почти до заката пробирались по крутым откосам. Вокруг возвышались горные пики – намного выше тех, которые уже остались позади. Они двигались то верхом, то спешившись, и, наконец, добрались до уединенной обители.

Старец вышел сам поприветствовать гостей и обнял Тавына.

– Добро пожаловать! – молвил отшельник. – Очень рад видеть тебя, сынок.

Загоревшее, морщинистое лицо хозяина здешних мест выглядело умиротворенным, а длинная борода и волосы перемешались, образовав белоснежную гриву. Под густыми белыми бровями сверкали добрые глаза. Для своих преклонных лет старик выглядел довольно крепко – в белых одеждах он походил на утес, покрытый снегом.

– Тебя беспокоят непонятные мысли, сын мой? – спросил старец после того, как Тавын высказал ему свое неизъяснимое беспокойство. – Увы, эти же мысли беспокоят и меня. Пойдемте в хижину, у нас впереди долгий разговор.

Дом старца правильной было бы назвать пещерой – вход в нее закрывала бревенчатая стена, а комната уходила вглубь скалы. В центре находился невысокий стол, по обеим сторонам которого располагались дощатые сиденья из красного дерева. У правой и левой стены стояли широкие топчаны, покрытые шкурами диких зверей. Кругом висели и лежали благоухающие связки трав, в различных сосудах хранились сухие лекарства и настойки.

– Сейчас мы поужинаем – вы отдохнете с дороги и восстановите силы, – сказал старец и попросил Сандора собрать на стол нехитрую, но питательную трапезу.

После ужина они наблюдали за закатом. Казалось, что ослепительно золотистые лучи солнца спутались с длинной белой бородой старца – солнце как бы нехотя, неторопливо прощаясь с хозяином здешних пустынных мест, опускалось за изумрудные леса. На фоне озаренного пурпурным светом небосвода ясно вырисовывались горные вершины, покрытые снегом. Светило уходило на покой, чтобы на следующий день с прежней силой и щедростью дарить людям тепло, свет, согревать их тела и души.

Это было неописуемо красиво.

Возле небольшого костра остались три человека: король, Гуатр и задумчивый старец. Наконец в тишине раздался голос старика:

– Не зря твоя душа встревожена, Гуатр – я, как провидец, отягощенный сокровенным знанием и умеющий заглядывать в будущее, увы, огорчу тебя. Душа твоя предупреждает о будущем нашей земли, о тяжелых испытаниях, о настоящей войне...

– Что ты говоришь, учитель?! – воскликнул изумленный король. – С кем же мы должны воевать, от кого защищаться? Ведь мы все – как братья, ты же лучше меня все это знаешь.

– Тавын, ты сейчас не король, я не учитель, ты мне сын, перед которым отец в последние минуты жизни хочет исповедаться. Не перебивай сынок – смерть не далеко от меня. Жители нашего острова, прожив в спокойствии долгую жизнь, и в ином мире находят упокоение...

Тавын пока не мог уловить, куда клонит старец.

– Отец, нашему острову грозит опасность? – прямо спросил он. – Какая?

– Об этом я и хотел говорить. Грех существует в нашей памяти как нечто давно минувшее, но, в то же время, за океаном живут люди со своими грехами. Благодаря удаленности от мест обитания людей и природным особенностям моря вокруг нашего острова о нас до сих пор мало кто ведает. Мы же сами в иные земли отправляемся только чтобы на Великий праздник Пасхи посетить святые места в Изавии. Мы своим трудом, любовью создали себе все необходимое для жизни, наш остров, оберегаемый Господом, похож на маленький алмаз на теле планеты. Но грядет время, когда жизнь здесь изменится. Остальному человечеству не удавалось сохранить братолюбие в противоборстве со злом, и потому придет час, когда и христосцы окажутся вынуждены нарушить заповедь. Именно поэтому твоя душа встревожена: вас ждут большие испытания. Сохранение нашего райского уголка будет зависеть от терпения и любви каждого христосца.

Пройдет не так много времени, и чужеземцы найдут дорогу сюда. Их истинное лицо вначале будет сокрыто под дружеской маской, однако у них появится интерес не только к нашей культуре – алмазы и золото ослепят их, затмят разум, распалая кровожадную зависть. И этих чужеземцев окажется слишком много, и неизбежно с ними придут насилие, разбой и разгул.

А наш народ не знает хитрости, иначе и быть не может – мы избранные.

Сокровенное знание, которое оставили нам предки, говорит, что наша планета Аури – одна из нескольких миров, где существует единая вера в Иисуса Христа. Несмотря на это, большинство единоверцев следует не Божьим заповедям, а примитивным человеческим желаниям. Наши предки с момента сотворения мира тоже жили верой в единого Бога, но со временем они стали использовать имя Его в корыстных целях и забыли заповедь «возлюби ближнего, как самого себя». Так появились богатые и бедные, началось угнетение народа народом, мир раскололся на части. Вот тогда ангел Божий, отправленный Иисусом, говорил с отцом наших отцов, чтобы он повел народ, не желающий отойти от истины, за собой: «Пусть твой народ строит себе корабль, я поведу в край, где вас никто не потревожит, и будет у вас свой мир, свой океан, свое небо. Будете жить как в раю, вы того заслуживаете. Это воля Отца нашего небесного до поры, пока у кого-то из вас в душе не появится червоточина, и будет он соблазнен чужеземцами. Вы потеряете все, что имели, но сможете все вернуть для новых поколений и для душ тех, кто упокоится на небесах, если последний христосец не забудет о Божьей заповеди. Его ждет великое испытание и великое терпение». Так говорил Ангел Божий нашему далекому предку. И из века в век живут христосцы по воле Бога, поэтому никогда не предавайте свою истину и никого силой не заставляйте принять ее. Кто истинно осознает Бога, к тому вера сама войдет в душу...

Старец посмотрел на небо и осенил себя крестным знаменем, как это делал Иисус.

5

Тавын и Гуатр, невероятно озадаченные услышанным, тоже перекрестились.

– Нам не приходилось пока поднимать меч на человека, и мне становится страшно от твоих слов отец, – воскликнул Гуатр. – Чужеземцы привезут зло на наш остров? Наша жизнь изменится, мы потеряем мир и покой? Да я готов утопить их всех заодно, только бы не допустить гибели невинных. Если ты, король не согласишься со мной, я возьму этот грех на себя, а там Бог мне судья. Другого выхода я не вижу, если все так случится!

Тавын, задумчиво смотрел на друга:

– Не горячись Гуатр. Если поступить так, то, получится, что мы сами станем сеять зло. Но мы не должны поднимать руку на человека, пожелавшего узнать наше бытие. Наша земля для них – не закрытый мир. Мы не можем взять грех на душу и убивать невинных. Если вдруг что-то пойдет не так, то постараемся решить проблему мирно. И мне также не верится, что среди нашего народа может появиться изменник. Нет, друг, предки не так учили нас, и мы не имеем права нарушать закон Божий! Как бы горько ни стало, нам придется перетерпеть, видимо, на все воля Божья. Надеюсь, это испытание мы выдержим достойно, вы согласны со мной, учитель? Но одно могу теперь сказать точно: я не юн, и не уверен, смогу ли радоваться жизни после того, что ты здесь поведал.

Старец покивал:

– В твоём возрасте мужчины себя признают в полном расцвете сил. Однако, как ни тяжело мне об этом говорить, всем вам и детям вашим, придется пройти через большие испытания... Да, да, не удивляйся Тавын; предсказываю, что у тебя скоро будет сын, которому суждены великие дела, а многим христосцам придется умереть во имя любви к Иисусу. Слушайте меня, дети мои! Нашим предкам Господь когда-то приоткрыл завесу тайны бесконечной Вселенной. Мы знаем, что несколько планетных систем, где некогда существовала жизнь, теперь погибли, и на Аури грядет такое время, если люди окончательно потеряют любовь и веру. Самая ближняя из известных нам планет – Земля у звезды Солнце, вторая – Ферина, затем Юнист, Альфа и так далее. Жители Феринья умеют летать через пространство, и добираются до нас и до Земли. Вреда от них нам нет и не будет, но и помощи ждать не стоит: они не вмешиваются в дела чужих миров и считают, что каждый народ должен решать свои проблемы самостоятельно.

Расскажу, что еще известно лишь сведущим людям от нашего Господа. Иисус проповедовал заповеди Отца своего на всех планетах. Но при этом Христос говорил и предупреждал: «Многие придут под именем моим. Восстанет народ на народ и царство на царство, и будет голод, и мор, землетрясения, и земля будет гореть под ногами. Будут предавать вас мучениям, убивать вас, и верующие в меня будут ненавидимы всеми народами, во многих охладет любовь, ибо восстанут лжепророки и лжехристы и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить и избранных. Будут они скрываться под доброй маской, и люди станут почитать Антихриста».

Когда-то Иисус пришел принять грехи землян и грехи жителей Аури. Он же и придет спасти их всех, именно Он, а не другие боги, которых так много у них стало. Об Иисусе Христе написано во всех их писаниях. Его признают как спасителя, либо признают как пророка. А он Сын Божий, он был, есть и будет во веки веков.

Иисус говорил, что верующие в него будут изгнаны, как Он бывал изгнан. Ложная вера станет так сладка, что сатана захватит мир, и даже мертвое дерево будет плакать кровью от жестокости ложной веры. Единственным оправданием заблудшего народа станет молитва. Бог один, но каждый верит в своего пророка и его именем молится. Как же Бог простит их, если они не очищаются именем Спасителя? Ибо был слышен голос с неба, голос истинного Бога: «Я

отправляю вам сына моего возлюбленного, в котором Мое благоволение. Любите Его, веруете в Него, значит, и веруете в Меня». Это можно сравнить со случаем, когда мать, воспитывала своего ребенка, но вдруг появляется кто-то другой, заявляющий права на него. Возникает вопрос: «Кто вам дал право отнять у ребенка мать и давать ему свое воспитание?!» Как можно лечить ветку, изрубив корень? Выходит, Иисус не донес до нас истину, а новые пророки пришли его поправить? Выходит, Бог ошибался? Но нет, только безумные могут так думать!

Бог создал для нас одну вселенную и один закон, и нельзя повторить дважды Его творение! Господи, спаси же их души! Сами не ведают, как сатана путает их. Когда Господь создал двух людей по своему подобию, говорил: «Будьте как рыбы в глубинах морей, как кони, скачите по суше планет, летайте, как птицы в просторах вселенной. От того, как вы проживете свою жизнь, будет зависеть жизнь ваших потомков. Станете проповедовать закон Божий – наследуете вечную жизнь. Живите, радуйтесь, плодитесь, заселяйте Вселенную, но если забудете заповедь «любить ближнего» – все станет иначе».

Некоторые трактователи учения Иисуса пишут: «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее, а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы». В этих словах жестокость и ложь их лжепророка! Это не продолжение дел Мессии, а возврат к Старому Завету, в котором нет прощения, а есть кровь за кровь. А у правильной веры нет и не может быть насилия, кроме любви.

Тому, кто создал разные религии и служит им, придется на том свете быть в ответе перед Господом. У них много молитв, придуманных псевдосвятыми, и люди утратят истинную любовь к Богу, а многие станут молиться из страха. Но сам Иисус был против многословия. Он говорил: «Чтобы не говорили лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны, не уподобляйтесь им, ибо знает Отец наш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прощения у него». И оставил Иисус после себя единственную молитву – «Отче наш».

Согласно пришедшему к нам с Иисусом закону Божьему, мы не имеем права приукрасить или скомкать заповеди. Ни у кого нет права на это! В храме все должно быть просто, чтобы почувствовать Святой дух, благодать Матери Божьей, которая вытирает наши слезы, когда мы нуждаемся. Храм – это Божий дом. До второго пришествия Иисуса Христа люди настолько изменили заповедь, что уже понимают собственных действий. Для многих прихожан культом поклонения стали храм и его служители. Они создают лишь видимость служения Богу, и храм либо утратил, либо утратит истинное свое предназначение. Имея власть, нетрудно вести за собой безропотное «стадо», лишённое права думать. Стоит «овце» отбиться от стада, «пастух» быстро находит метод усмирения – «кнут», и держать людей под страхом молитвы многим выгодно. Но в храме должно ощущаться милосердие, а не власть! Ведь «стадо» не задумается, что тем самым закрываются двери храма в их душах, ведь за них станут думать служители, надев маску праведников. Христианство превращают в религиозное вероисповедание с путанными обрядами и правилами. А христианство есть учение о любви ко всему живому в мире. А любовь – это истина, а истина есть Бог, а вера – это надежда.

Его заповедь – любить ближнего: Христос не молился там, где имя Отца Его использовали в корыстных целях! Служитель, желающий стать слугой народа, не должен возвышать себя над народом этим, стремиться к обогащению, вводить в заблуждения верующих наставлениями, противоречащими Божьим заповедям. Найдется ли служитель, который смог бы отнять благосостояние у своих детей, отдав детям нищего? Когда правитель будет думать о своем народе, создании равенства, а служитель храма истинно служить в храме, когда нищие будут жить как цари, каждый будет прежде думать, вкушая пищу, голоден ли ближний, только тогда люди достигнем вершины рая.

Не поэтому ли Миссия называл маловерных, ожидающих Божьего чуда, заблудшим стадом? Где гарантия, что история не повторится? Что «стадо» снова не отдаст на поправление в

руки «пастуха» истинного Царя, что Его снова не признают ни служители, ни «стадо». Столкнувшись с чудом, не поверят в Мессию, а будут ожидать наставлений «пастуха», одурманивая себя ложными молитвами, тешась мыслью о пришествии Его. Ведь они привыкли слушать «пастуха», следуя его законам. Боже! Открой заблудшим глаза, чтобы служили единому Царю, сыну Бога – Иисусу, поверили Ему, узнали и пошли за ним. На кого сойдет благодать? На того, чья душа исполнена любви к ближнему! Помните это!

Старец замолчал, и на несколько секунд прикрыл глаза, словно данные пророчества и проповедь отняли у него много сил.

– Учитель, прости, но не все ясно в твоих речах, – решился, наконец, спросить Гуатр. – Как я понимаю, твои слова – предостережение нам?

– Увы, да, – кивнул, глубоко вздыхая, старец. – Ведь все такое же происходит сегодня и в нашем мире вдали от нашего острова, единственного оплота истинной веры. Сумеет ли мы сохранить ее, нашу веру – вот в чем вопрос!

Он снова глубоко вздохнул:

– Принесу горячее козье молоко, оно придаст вам силы – потом продолжим. Мысли у вас сейчас натянуты, как струны арфы.

6

Гуатр и Тавын сидели в оцепенении и не заметили, когда старец вернулся, продолжив свои наставления.

– Господь нас вразумляет, когда мы поддаемся искушению, ведь все может вернуться бумерангом. Непослушание Богу никому не позволено, и Бог нам всем судья. Каждый по своему разуму служит Ему, но важно, чтобы в душе человека жила любовь. Разделяя людей на расы, заставляя воевать и кусать, как собаки, друг друга, многие забывают об основе основ человечности – любви к ближнему.

Когда Бог создал обитаемые планеты, все находилось под Его благодатью, как сейчас мы живем на нашем острове. Судьбы планет сходны, жизнь на них может погибнуть как кара Божья, но по приходу Мессии она снова возродится, и окажется благословен избранный сын Божий. Пепел перемешается с красной землей, и поднимутся новые ростки. Снова запоют птицы, оживет природа. Выжившие юные дадут потомство, от них и пойдет продолжение рода человеческого. Дети, и только они – смысл жизни. Но им выпадут большие испытания, испытания тела, а, главное – испытания духа, испытания его верой, надеждой, любовью...

Старец вздохнул и сказал:

– Ну вот, собственно, что я и хотел вам поведать.

На долгое время у костра воцарилось молчание. Наконец потрясенный Тавын глухо проговорил:

– Боже, дети, о которых ты говорил, еще не родились, а им уже уготованы такие испытания?!

– Но если избранные их пройдут, то имена их останутся жить в потомках! – молвил старец, встал, тяжело опираясь о колени, и перекрестился: – Уже светает, у нас нелегкая ночь была. Давайте спустимся к водопаду, взбодрим себя горной водой. Вода как жизнь, а жизнь – это любовь: она придает новые силы, и ведет нас через все тернии.

Тавын и Гуатр тоже осенили себя крестными знамениями и послушно направились за ним.

7

Наступал рассвет – мягкая, чуть тронутая ветерком тишина, предшествующая рождению утра. Несколько минут – и на бледно-голубом небе появилось солнце, словно из бутона выглянул яркий цветок, озаряя все вокруг.

Тавын и Гуатр постарались не думать о потрясшем их разговоре и оставили думы о будущем на потом. Король широко распротер руки, словно обнимая подаренный ему мир, и во весь голос крикнул:

– Господи! Нигде нет такой красоты, как на нашем острове! Не задумываясь можно отдать жизнь ради всего этого!

Скинув верхнюю одежду, друзья бросились в речку под шум водопада. Старец омыл лицо холодной водой и наблюдал за ними, сидя на камнях.

Возвращаясь к хижине, Тавын спросил провидца:

– Отец, можно ли здесь поохотиться на горных коз? А после завтрака, с твоего разрешения, мы отправимся в обратный путь.

– Почему же нет? – ответил старец. – Но имейте в виду, что горные козы очень проворны и осторожны, Не думаю, что удача окажется на вашей стороне.

Так оно и оказалось – побродив в окрестностях более часа вместе с Сандором, взятым в качестве проводника, охотники смогли добыть всего лишь крупного зайца, но ни одна горная коза не подпустила их к себе на расстояние выстрела из лука.

Старец с усмешкой взглянул на их добычу:

– Я уже тут проголодался, пока вас ждал! Вижу, охота оказалась не богатой, но, вообще-то заяц хорош! Что ж, вместо козьего мяса угощу вас еще раз козьим молоком.

Сандор поднес им воду омыть руки, а во время обеда Тавын рассказал, как прошла охота. Старец посмеялся, потрепав его по плечу:

– Вы думали, наши горные козы то же, что и ваши джейраны на равнине? Э, нет!

– Учитель, а не твоих ли это рук дело? Ведь ни одна не попала под наши стрелы. Скажи, это так?

Старик только улыбнулся и молвил:

– На все воля Господа!

Кони были готовы. Странники поблагодарили за хлеб-соль и попрощались с Сандором.

Тавын крепко обнял старика:

– До встречи, учитель!

– Встреча нам всем уготована в жизни вечной. С Богом, дети мои!..

8

Приблизившись к замку, всадники увидели жен, высматривающих их с галереи зубчатой стены.

– Мы вас уже заждались. Перед отъездом ты мне показался нездоровым, Тавын – у тебя все в порядке?

– Это он-то нездоров?! – ухмыльнулся Гуатр, спрыгивая с коня. – Да от его криков на охоте чуть лавина не сошла!

– Уж нам ли не знать, что охота для вас важнее, чем жены, – с легкой укоризной заметила его супруга.

– Милые дамы, вот эти цветы, надеюсь, загладят нашу вину, – целуя им руки, Тавын подал огромные букеты собранных по дороге диких роз.

Вечером король застал жену за вышиванием.

– Любимая, эти дни без тебя показались мне вечностью, – сказал он, онимая ее.

– Дорогой, вижу, тебя что-то беспокоит. Не мучай себя, скажи, что случилось?

– Только если пообещаешь быть терпеливой – тебе еще надо поддержать и Арадану. Ведь королева должна быть примером.

– Случилось что?!

– Старец говорил об испытаниях, и о том, что у нас обязательно родятся дети.

– У нас будут дети? – королева с надеждой посмотрела на мужа.

– Да, и у нас, и у Гуатра. Но, по словам старца, их ждут суровые испытания. Испытания ждут и весь наш народ. Нам надо быть к ним готовыми, принять их стойко, согласно нашей вере...

И он рассказал обо всем, что поведал им горный пророк.

9

Другим христосцам о разговоре со старцем Тавын и Гуатр решили не рассказывать, чтобы раньше срока не тревожить народ, и многие годы жизнь на острове текла своим чередом. За это время король и сам почти забыл о грозном туманном пророчестве, ведь вокруг него жизнь была так прекрасна. Тем более что у него и Гуатра наконец-то родились дети – сын и дочь, которых назвали древними именами Камрин и Афра.

Но в один прекрасный день рыбаки сообщили Гуатру, что видели в море чужеземный корабль, и друг короля тут же примчался в замок.

– Что привело тебя так рано, Гуатр? Я уснул только на рассвете. Имеет король право выспаться? – словно не замечая его волнения, пошутил Тавын.

– Поэтому-то и разбудил, что ты король.

– Говори, от тебя все равно никуда не денешься.

– Тавын, кажется, начинают сгущаться черные тучи над нашими головами. Ты не думаешь, что наступает время, о котором говорил старец?

Тавын почувствовал, как горячая волна прошла по всему телу.

– Разве возник повод вспоминать предсказания старца? Ничего ведь пока не случилось!

– Появление чужеземного корабля у наших берегов – не повод ли для тревоги? К сожалению, я уверен: ждать неприятностей осталось недолго.

– Страшно так думать. После похорон старца мы столько времени ждали рождения детей. При рождении наших детей, увидев Омеану с малышом, я подумал тогда – да, в детях весь смысл жизни. У меня выступили слезы, но сегодня я понимаю, эти слезы были не только от счастья, в них была горечь нашей судьбы – ведь больно смотреть на молодое поколение, догадываясь, что их ожидает. А ожидание хуже смерти. Если настал час испытания, я тебя не только как друг прошу, как король настаиваю: сохраняй терпение! Наше оружие – любовь против насилия. А коли придется поднять меч – это будет концом нашего существования. Но на все есть воля Божья...

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь их тяжелым дыханием. Им оставалось только ждать.

10

– Афра! Кому я говорю, Афра! Куда опять поскакала, как горная коза? Оставь Камрина в покое, – прикрикнула на нее мать.

– Пусть возьмет меня туда, куда идет. С Сураджем не расстанется, а со мной время проводить не хочет!

– Я и не обязан с тобой возиться, ты словно кость в горле. Веди себя, как леди! – ответил молодой человек, седлая коня.

– Ха, тоже мне учитель нашелся! Мной все довольны, и даже король берет на охоту меня, а не тебя.

– Отойди, мой Сурадж норовист! – Камрин натянул узду и умчался.

Афра грустно посмотрела ему вслед и вздохнула:

– Он все время меня обижает, матушка...

– Он правильно тебе сказал: посмотри на себя – ты даже не одета, как леди!

Афра, действительно, вместо платьев предпочитала носить мужскую одежду с широким кожаным ремнем, но она была красива и стройна и в таких одеяниях. Под длинными ресницами горели карие глаза, а темно-каштановые волосы под тонким обручем развевались на ветру.

– Почему ты ругаешь ее, Арадана? – вмешалась Омеана.

– Как же ее не ругать – с утра Камрину не дает прохода! Сняла бы обруч, сделала подobaющую прическу, надела бы платье и занималась домашними делами.

– Чем же тебе не нравится мой обруч? Он ведь такой же, как у Камрина, и меч такой же! Я ему покажу, что от меня уйти непросто. А то строит из себя рыцаря!

Между тем в назначенном месте Камрина ждал друг Сантен.

– Давно ждешь? Это все Афра, как прицепится, не отвяжешься.

– Она бойкая, ей бы быть твоим братом, – усмехнулся Сантен. – А мы решили провести скачки, будешь участвовать? Я поспорил на твоего Сураджа, что он придет к финишу первым!

– Это точно. Такого скакуна днем с огнем не найдешь, ведь он потомок Ягуара...

Они отправились в обсерваторию, и занимались астрономическими вычислениями, потом наблюдали за звездным небом и созвездиями, и только поздно ночью дно Камрин вернулся домой.

Увидев ожидающую его Афру, он решил молча пройти мимо, но не услышав упрёки вслед, обернулся:

– Неужели я тебя так огорчил? Я же знаю, когда ты в хорошем настроении, все время поддеваешь меня, а если огорчена – молчишь, как рыбка... Кстати, ты моих рыбок кормила? Не молчи! – Он по обыкновению хотел дернуть ее за волосы и вдруг остановил руку: – Ого, ты сделала прическу? Даже платье надела?! Да ты похожа на принцессу из сказки!

– Тебе нравится, Камрин? Я теперь тебя всегда буду слушаться, – лукаво прищурилась Афра.

– Догадываюсь: снова о чем-то хочешь просить? Лучше признайся, вы хотите с нами состязаться, угадал? А я-то думаю, отчего она такая послушная стала!

– Опять строишь из себя рыцаря? Тебе ничем не угодишь, – фыркнула девушка. – Значит правда, парни завтра устраивают скачки? А будет интереснее, если мы устроим соревнование между юношами и девушками.

– Чего ни сделаешь ради любимой сестры, лишь бы она была послушной и не сердилась!

– С чего ты взял, что я стала послушной? – смеясь, она показала язык. – А правда, моя прическа тебе понравилась?

Камрин улыбнулся и мягким движением распустил Афре волосы.

– Мне нравится вот так, – и он надел на нее свой обруч. – Возьми в знак нашей дружбы.

В полдень, когда все уже было подготовлено к скачкам, Афра подошла к Камрину.

– Наши девочки готовы одержать победу. Какой приз для победителя?

Юноши переглянулись.

– А мы об этом и не думали, – ответил Сантен.

– Выходит, соревнования без приза?! Нет, мы с этим не согласны! Давайте так: если девочки выиграют, все мальчики устраивают у костра веселье.

– А если вы проиграете?

– Тогда мы устраиваем вам праздник. По рукам?

Камрин молча пожал ее руку.

– Камрин, а я принесла тебе обруч. Ты подарил мне свой, и я дарю тебе свой. Волосы падают на глаза – это может помешать на скачках.

– С чего вдруг ты стала такой заботливой? Думаешь, я проиграю, и уже сочувствуешь?

– Лучше подготовься к скачкам. А конь у меня не хуже твоего, и я одержу победу!

Скачки начались, и жаждущие победить сразу вырвались вперед. Афра заметила, что Камрин остался на старте, резко натянула поводья, отчего конь встал на дыбы, и ей пришлось крепко ухватиться за шею скакуна.

– Ты, почему стоишь? – закричала она.

– Хорошо держишься в седле, – небрежно заметил он. – Не зря отец доволен тобой.

– Нашел время шутить! Разве не видишь – они уже далеко? – девушка кивнула в сторону удаляющихся всадников.

– Разве тебя кто-нибудь держит – скачи! А я просто дал вам шанс: мой Сурадж все равно всех догонит.

– Ты мне за это ответишь, самодовольный! – Афра, не на шутку рассердилась и прищипала коня.

Но как они ни старалась, Камрин вскоре с ней поравнялся.

– Какая у нас сердитая сестра! – прокричал он на скаку. – Вперед Сурадж, ты у меня как гром, как молния!

Первое место по праву занял Камрин, за ним Сантен, а третье выиграла подруга Афры Винуэла, четвертой пришла сама Афра.

– Мы проиграли, а кто-то нам победу обещал? – с досадой произнесла одна из подруг.

– Эй, красавицы! Афра вам много может пообещать, но не забывайте, мой Сурадж всегда первый, – веселился Камрин.

– Это нечестный бой, ты задержал меня! – запальчиво крикнула Афра.

– Я хотел только дать шанс принцессе, – юноша сделал галантный поклон. – Ладно, готовьте праздник для победителей. Правильно говорю, братья?

– Мы требуем веселья! – поддержали Камрина молодые люди.

– Не шумите! – отмахнулась Афра. – Да, победу вы одержали честно, и мы умеем держать слово, сегодня организуем праздник. Девочки, за мной! – скомандовала она.

Когда они отошли в сторону, Афра спросила:

– Винуэла, как будем организовывать веселье?

– Разве мы не умеем петь и танцевать?! Ты хорошо играешь на арфе, а твой Камрин любит музыку. Что-нибудь придумаем, не переживай!

Начавшийся вечер, продолжался с еще большим задором и радостью, а песни под мелодичные звуки мандолин, скрипок и флейт разносились на всю округу:

*Спросят: покажи, красавица,
Где течет жемчужина-река?
Покажу прохладные Онтюра струи –
В них искрятся солнца жемчуга!*

*Спросят: расскажи красавица,
Про любовь, что сердце греет в холода –
Расскажу про землю золотую,
Где хрустальные звенят колокола!..*

В какой-то момент, когда веселье было в самом разгаре, Камрин сказал:

– Спасибо, все прекрасно, но, к сожалению, мне пора.

– Камрин, и я с тобой! – тут же ухватила за его руку Афра.

– Не знаешь, куда я иду, а просишь.

– Знаю: опять пойдешь к той скале, наблюдать за своей звездой. Какой интерес считать звезды в ночном небе?

– И ты еще хочешь, чтобы я взял тебя с собой!

– Обещаю, что буду нема, как твои золотые рыбки! Не возьмешь меня с собой – пожалуюсь королю, что обижаешь меня! Ох, тебе и достанется.

– Я уже знаю все твои уловки, – юноша пошел вперед и вскоре обернулся: – Ну, ты долго будешь стоять?

Пройдя каменистый пустырь, они вышли к скалам, и Камрин расстелил плащ.

– Садись, покажу тебе самую яркую звезду. В космосе есть планеты, где живут другие люди – так учит нас вера и мудрость предков. В обсерватории я наблюдаю за небом, это так интересно. Как было бы интересно побывать в иных мирах, увидеть, что там происходит.

– А я не представляю ничего прекраснее нашего острова, – Афра потерла сонные глаза.

– Это ведь наука!

– Понимаю, что наука. Не знаю почему, но я ревную тебя к этим звездам!

– Афра, я никогда тебя не оставлю, всегда буду рядом. И глупо ревновать к невидимому.

На всем звездном небе моя самая прекрасная звезда – это ты.

– Никогда не говори никогда, – девушка склонила голову ему на плечо. – Многие с тебя не спускают глаз, хоть ты и надменный. Тебе семнадцать, чем бы ты хотел заниматься в двадцать?

– Хотел бы обойти весь мир, хотел бы побывать на планетах, о которых рассказывали наши старейшины – жаль, мы пока не умеем туда летать... А, если я кому-то понравлюсь, придется ждать ей меня до очень зрелого возраста...

– Ты – задавака! – Афра надула губы и отодвинулась.

Камрин усмехнулся в темноте.

– Да ладно тебе! Пойдем уже поздно.

11

В пустынном океане под белыми парусами плыл трехмачтовый клипер, наполняя паруса свежим ветром. Все было спокойно, но к вечеру южная сторона неба начала затягиваться тучами.

– Видимо, ночью нас прихватит шторм, – с тревогой произнес капитан, продолжая внимательно изучать горизонт и обращаясь к своему спутнику, стоявшему у поручней и тоже напряженно вглядывавшемуся вдаль. – Вы хоть понимаете, профессор, куда нам двигаться? Мы ведь приближаемся к месту, которое считается самой опасной зоной на планете, и совершенно не изучено!

Профессор потер подбородок:

– Вы с самого начала знали, капитан Хайнар, куда мы путь держим. Ходят слухи, что здесь есть какая-то благословенная земля, но пока ни один корабль не смог ее достичь, а мы попытаемся. Да, здесь опасно, здесь часто не работают компасы, не действует радиотелеграф, из моря вдруг встают стены тумана, а с судами происходят загадочные явления. В довершение всего, здесь масса рифов и скалистых островов – совершенно не исследованный архипелаг. Пятьдесят лет тому назад знаменитый путешественник Франер хоть и нашел путь через рифы к скалам, назвав место «Черной акулой», но развить свое открытие не смог, так как при повторной экспедиции сгинул без следа.

– Извините меня за мой страх, профессор, но если бы не ваше щедрое вознаграждение, то в подобном месте любой капитан чувствовал бы себя неуверенно. Но мы все-таки отправились на весьма скромном судне...

– Вот именно, мой дорогой Хайнар. Большой корабль без точного знания фарватера уж точно не провести в этих скалах. В судовом журнале, Франер указал путь через рифы, к скальной гряде, она-то и должна привести нас к цели. На тридцатой параллели океана Тайфун нужно двигаться на запад, пройти несколько миль вдоль экватора и затем, взяв курс на северо-запад, войти в воды Егсинского моря. Франер упомянул, что путеводной звездой будет Северная звезда. При этом, потерпев неудачу, на полуразбитом суденышке он смог выйти из этого ада обратно. И уже основательно подготовившись, отправился во вторую экспедицию, которая, к сожалению, закончилась гибелью. Немыслимо, чтобы подобный обширный архипелаг с высокими скалами посреди открытого моря, не скрывал какой-то крупный, очень крупный остров. Эта таинственная зона, окутанная туманом, осталась одной из немногих, плохо изученных на нашей планете. Так что здесь могут скрываться большие богатства...

– Но ведь может быть, что тут и ни черта нет, кроме проклятых скал? – скептически скривился капитан. – Правительства сюда как-то не очень-то рвутся.

Профессор пожал плечами:

– А зачем им это все? У них имеются другие заботы. Поэтому я и организовал частную экспедицию. А знаете ли вы, капитан, что этот корабль – копия судна Франера? Я хочу пройти его курсом, стараться думать, как думал он, наконец, открыть Новую землю, чего он не смог. Я прорвусь через «Черную акулу», я завершу открытие Франера в память о его погибшей экспедиции. Верьте мне, друг мой – я чувствую: Новая земля рядом!

Бывалый капитан скептически пожевал губами, глядя на клубящиеся тучи:

– Мне бы вашу уверенность, профессор, но жребий брошен – пора готовиться к схватке со стихией.

В полночь ветер стал крепчать. Скрип мачт, неистовое хлопанье парусов – все предвещало близкую опасность. Капитан отдал приказ боцману Зандеру готовиться к встрече с ураганом – найтовы шлюпок укрепили, подтянули ванты, задраили все люки. Ветер уже бешено свистел в снастях, такелаж гудел и вибрировал, подобно струнам. Огромные валы шли на при-

ступ корабля, и он взлетал, подобно морской птице, на их пенные гребни. Потоки воды то и дело хлестали через борта.

– Мы уже в пасти «Черной акулы»? – перекрывая свист ветра и грохот волн, спросил боцман у капитана.

– Еще нет, но скоро там будем. Профессор, спуститесь в каюту, а как бы вас не смыло, к чертовой матери. Это будет уж совсем ни к чему, – нервно прокричал Хайнар.

Ученый не стал спорить, спустился в каюту в ту минуту, когда океан с такой яростью ударил волной в корму судна, что зазвенели стеклянные иллюминаторы. Вцепившись в край привинченного к полу стола и наклонившись над картой, профессор снова просматривал путь судна, убеждая себя в правильности принятого решения.

Ветер все усиливался. Мачты гнулись под тяжестью наполненных влагой и ветром парусов, и судно, казалось, приподнялось над волнами.

– Стаксель на гитовы! – приказал капитан. – Спускай марсель и кливера!

Матросы кинулись выполнять приказание. Клипер сильно накренился, помощник боцмана, стоявший у штурвала, был сбит с ног внезапным ударом румпеля, судно потеряло управление и пошло поперек волны.

Профессор надел плащ и снова выбрался на палубу:

– Что, капитан, погода вконец испортилась?!

– Какого черта вы опять здесь?! Я же вам сказал сидеть в каюте, пока все не утихнет!

– Этого теперь долго ждать придется. Вы забыли, где мы находимся?

– Вы скоро с ума сойдете со своей идеей. Неужели вы так радуетесь приближению собственной смерти? – капитан надвинул фуражку с изавийским гербом поглубже и, затаив под подбородком ремешок, направился к боцману.

– Это открытие, открытие, дорогой мой! – прокричал ему вслед профессор.

12

Около восьми часов утра ветер набрал силу урагана – скорость его достигла тридцати двух метров в секунду. Судно сильно кренилось, и был даже момент, когда команда решила, что оно уже не выровняется. Матросы с топорами бросились рубить такелаж, как вдруг мачты сами, не выдержав тяжести мокрых парусов и напора ветра, с треском переломились, и их унесло в океан. Судно выпрямилось, но тут же стало раскачиваться. Корабль не мог долго противостоять такой качке, все его части пронзительно скрипели, и казалось, что обшивка вот-вот разойдется, а волны хлынут внутрь судна. Оставалось надеяться на чудо.

– Держитесь, ребята, не сдавайтесь! – орал капитан.

Профессор с трудом сделал несколько шагов к нему и закричал:

– Нам нельзя менять курс! Мы должны подчиниться стихии, именно волны вынесут нас к пещере!

– И сделают кормом для акул! Прошу не приказывать мне – но разве в таком положении можно изменить курс? Чем болтать здесь всякую чушь, лучше держитесь покрепче, чтобы не оказаться за бортом раньше времени.

Весь день и ночь прошли между надеждой и отчаянием, но к утру буря стала стихать. Полуразбитое судно, попавшее в сильное течение, болтало как скорлупку, затягивая в проливы между скалами. Изможденные битвой со стихией люди лежали на палубе среди хаоса переломанных корабельных снастей, покоряясь совей участи, но судьба словно сжалилась над ними, и корабль неожиданно вынесло на спокойную воду. Пригреваемые теплыми лучами яркого солнца моряки постепенно стали приходиться в себя.

Сжимая голову, капитан огляделся вокруг и прохрипел:

– Неужели мы вырвались из этого ада? Все целы? Профессор, профессор, где вы?

Ползая в изодранной одежде по палубе, профессор что-то искал:

– Где же они, проклятые?

– Что вы ищете, профессор?

– Очки потерял, а запасные в каюте... Без очков я плохо вижу.

– Да где вы их тут найдете? – капитан помог ему подняться. – Как полагаете, где мы очутились?

Профессор дышал глубоко, словно наслаждаясь морскими запахами:

– Мы в так называемом Егсинском море, но не в открытой его части. Чувствуете, здесь другой воздух? Ну да, вокруг еще высокие скалы, потому данный участок не так продувается. Но мы преодолели первый этап! И Франер тоже явно плыл по этому морю. Жаль, судовой журнал исчез вместе с ним – там мы смогли бы найти ответ. Нам остается строить версии по его неполной карте и думать над загадкой, как, преодолев «Черную акулу» и побывав в неизвестном море, ему удалось вернуться через этот смертельный барьер, чтобы снова подготовить экспедицию.

Капитан достал из кармана карту, развернул перед профессором:

– Место не отмечено на карте, мы вошли в неизвестную зону чудом. Все сходится. Неужели вы были правы, сказав о Новой земле? Но посмотрите на мой компас. Кажется, он размагнитился.

– Честно говоря, я уж думал, мы не выживем, и из-за меня погибнет тридцать семь человек...

– Что вы такое говорите, профессор? Вы были незаменимы во время шторма, – сказал старый моряк, подбадривая поникшего после перенесенного стресса ученого. – Вы старались вселить в нас надежду, а сами теперь нос повесили! Мы все остались живы, и это главное! Жизнь

так прекрасна, даже солнце нас приветствует! Теперь я верю, профессор, мы найдем эту вашу Новую землю.

Радостные возгласы чудом уцелевших моряков, разносились по всему морскому простору, но не долго.

– Капитан, – обратился к нему Зандер. – Во время шторма мы избавились от части груза, и теперь оставшейся провизии хватит ненадолго.

– Смотри, чтобы воду использовали экономно. Для еды мы можем и рыбу поймать, а вот воду пока нигде не наберешь.

Боцман невесело кивнул.

Прошло более суток. Судно скользило по морской глади, гонимое прихотью южного ветра. Капитан обеспокоено посмотрел вокруг, и подошел к профессору, стоявшему у правого борта.

– Профессор, а может мы зря радовались? Мы здесь уже довольно долго, а на горизонте кроме скал ничего не видно. Мы без воды, без пищи. Судно не управляемо – люди измучились в конец. Где же ваша Новая земля?

– Капитан, да мы уже почти находимся на Новой земле!

– Ради Бога, профессор, что за бред?! Мы пока в открытом море, и мы идем вслепую! Посмотрите на людей, они не могут держаться на ногах. Еще немного, и мы все отдадим богу душу, станем жертвами вашего открытия, о котором никто не узнает.

Профессор с нескрываемой надеждой посмотрел на капитана.

– Взгляните-ка лучше на свой компас. Кажется, он уже работает!

– Да, мы движемся на юго-восток, дрейфуем в этом Егсинском море между рифами и скалами. Может, это и есть открытие Франера? И нет ни какого большого острова, равно как и надежды вернуться из этого ада. Боцман, назначь двух вахтенных покрепче, – приказал капитан.

– Ваша честь, такой приказ не выполним – люди едва стоят на ногах.

– Да я и сам понимаю, старик, – капитан, смягчив голос, положил руку ему на плечо. – Нервы сдают. Но надо крепиться, дружище!

Сам капитан взглянул на профессора и слегка покачал головой. «Господи! Откуда у этого человека столько стремления, надежды, веры? – подумал он. – Посмотришь на него – слабый человек, а башковитый, упорный. Одно слово – ученый!»

Профессор стоял в глубокой задумчивости, как бы отрешенный от всего происходящего и легкий ветерок развеивал его русые волосы. Наконец он повернулся к капитану и сказал:

– А представьте себе, когда мы осуществим мечты Франера, о нас будут писать во всех газетах! Разве это не фантастика: в наш просвещенный век капитан Хайнар взял на себя командование небольшим судном и вместе с профессором Пирли открыл Новую землю! Вас повысят в звании, вы будете обеспечены на всю жизнь, да что там, о нас будет говорить весь мир!

– Это было бы чудесно, но вы так уверенно говорите, словно уже идете по этой Новой земле и весь этот ад позади. А если мы эту землю вообще не найдем, что тогда? Если мы сумели попасть сюда только через эту «Черную акулу», значит, обратный путь предстоит тоже через нее! Но при всем желании глупо рассчитывать это повторить на судне даже без парусов!

Профессор развел руками:

– Разумеется, если не найдем остров, где можно будет найти подходящую древесину и осуществить ремонт судна, то на обратном пути море, скорее всего станет нашей могилой. Но нет, Франер был уверен в точности своей гипотезы о существующем острове. На карте, которую сохранила его супруга, отмечено направление. Немало мне пришлось потрудиться в архиве, что бы удостовериться... – заметил он.

– А вы не допускаете мысли, что экспедиция Франера просто погибла без воды и пищи? – капитан кивнул в сторону одного из матросов, повторяющего словно в бреду: «Вода, где же вода...»

– Возможно, они погибли и раньше. Мы уже в более спокойном месте, и разве вы сами ничего не ощущаете, капитан?

– Объясните, в конце концов, что имеете в виду?

– Воздух пахнет иначе, нет ощущения соли... Погодите-ка!..

Профессор поднялся, взял ведро на веревке и, бросив за борт, почерпнул воды и понюхал ее.

– Точно, – сказал он и сделал глоток из ведра.

Капитан смотрел на него как на слегка помешанного.

– Вы спрашивали, почему Франер и его люди не могли умереть здесь в открытом море от жажды? – спросил Пирли. – Да потому что, сейчас в моих руках жизнь! Это практически пресная вода, а еда плавает за бортом! – он снова наклонился к ведру и стал пить уже большими глотками.

– Вы что, профессор?!

– Это же пресная вода! Вода, братцы!

Моряки бросились к профессору, окружив его.

– Смелее, я не обманываю вас, – Пирли поднес воду в ладонях ослабевшему матросу.

Тот, сделав жадный глоток, радостно проговорил:

– Братцы, точно – водица, пресная...

Обезумевшие матросы, хотели броситься за борт, но голос капитана привел их в чувства:

– Остановитесь, вы же моряки! Если это пресная вода, то ясное дело, будут пить все.

Кок принес железные кружки и раздал команде.

– Братцы, мы спасены, всем хватит! – весело сказал Хайнар. – А ну, подходи!

13

К утру все были уже бодрыми и веселыми. Капитан отдал приказ навести на судне порядок. Кок тоже доложил, что в камбузе полный блеск, и что приготовлен большой скат с фасолью:

– Еще я нашел остатки кофе и бочонок джина, так что, мы можем себе позволить роскошный обед.

К капитану подошли два матроса, один в руках держал губную гармошку:

– Когда в кубрике наводили порядок, Генстинг нашел свою гармошку, повеселимся на славу. Видно судьба благосклонна к нам!

Матросам было велено побриться и привести себя в порядок. Команда разобрала уцелевшие вещи, и все сменили порванную и грязную одежду. Профессор скинул драные парусиновые штаны и сейчас щеголял в легких летних брюках и шляпе.

Так прошло еще несколько дней, и отсутствие изменений к лучшему начало вновь нагонять уныние.

– Капитан Хайнар, согласитесь, положение улучшилось, может и дальше к нам судьба окажется благосклонна, – снова завел душеспасительную беседу профессор.

– Возможно, но сильные течения уже неделю с лишним крутят нас вокруг скал, не дай Бог, попадем в водоворот, а они тут есть. И вообще, в этом что-то странное...

– Да, капитан, странности не закончились, нас еще явно ждут приключения.

Боцман тщетно всматривался в морскую даль.

– Капитан, капитан! Посмотрите, вон, с левого борта.

– Ничего примечательного не замечаю, – Хайнар взял бинокль.

– Смотрите внимательнее! У меня глаз алмаз.

– Мы идем под вечерним небом, и светят нам только звезды, что же можно разглядеть в такой тьме? – ворчал капитан, пытаясь разглядеть то, на что указывал боцман.

– Ну да, если опять покажутся рифы, то ночью нам не избежать столкновения. Они разобьют наше суденышко, как сухую скорлупу, – вздохнул боцман Зандер.

– Этого может не случиться, поскольку скорость ветра небольшая. Каждый час следует менять вахтенных и быть предельно внимательным.

На восходе солнца крик впередсмотрящего взбудоражил всю команду.

– Земля! Земля! Мы спасены!

Все старались рассмотреть долгожданное чудо сквозь легкую дымку утреннего тумана – вдалеке действительно виднелась обширная суша.

Ближе к полудню они смогли ясно различить каменистый берег. Внезапно оползневидная, волна подхватила судно и понесла прямо на рифы. Страх и отчаяние охватил души моряков – на мгновение всем показалось, что они летят по воздуху.

– Держитесь крепче! Сейчас нас ударит! – успел прокричать капитан...

Придя в себя, Хайнар долго не мог понять, где находится. Морщась от боли, он поднялся и, оглядевшись, понял, стоит на песчаном берегу, упирающемся в скалистую возвышенность, а неподалеку лежит человек, в котором капитан признал боцмана.

«Где же остальные?» – подумал он и поднял чудом оказавшуюся рядом фуражку, побрел к нему.

– Боцман, браток, очнись! – позвал он, переворачивая товарища на спину.

– Неужели мы живы? – простонал боцман, приоткрывая глаза. – Ох, как меня измочило...

– Да, да, мы чудом спаслись. Надо пойти вдоль берега и поискать остальных.

– Сейчас, все тело болит... Когда волна бросила нас на рифы, мне казалось, что все, конец. Я уже помолиться хотел, но не успел. Хорошо, что тут песочек, а то бы отбивную сделаю на камнях... А что наши парни, где все? Надо их поискать!

Они пошли по берегу, и только метрах в ста за выступающей из песка скалой обнаружили одного лежавшего ничком человека. Перевернув его, капитан воскликнул:

– Да это же наш профессор! – и, пощупав пульс, убедился, что тот живой.

Они перенесли Пирли под скалистый выступ в тень.

– Присмотри за ним, а я поищу еще кого-нибудь. Эх, вот горе-то, если все ребята сгинули. Может, еще хоть кто-то уцелел?..

Вернувшись через полчаса, капитан обессилено плюхнулся на песок и смятой фуражкой вытер покрасневшее лицо.

– Никого не нашел, – печально сообщил он. – Похоже, нас осталось трое... А как профессор? Придется подождать, пока он не придет в себя.

Они решили не тревожить пока профессора, а дать ему отлежаться, и устроились на ночлег под этой же скалой, благо, что погода стояла теплая.

Наутро ученому и впрямь полегчало, и, проснувшись, капитан увидел, что тот уже сидит и деловито оглядывается по сторонам. Толкнув в бок боцмана, Хайнар спросил профессора:

– Эй, дорогой вы наш, вы нормально себя чувствуете?

Профессор кивнул, разминая затекшую шею:

– Вполне с учетом случившегося... А знаете ли вы, где мы находимся?

Капитан и боцман переглянулись и почти синхронно пожали плечами.

– Мы на неоткрытой земле, мы ее нашли, понимаете?! Вы что, мне не верите?

– О чем вы говорите, профессор? Мы потеряли тридцать четыре человека. Для меня важнее человеческая жизнь, чем бессмысленное открытие, – возмутился капитан.

– Конечно, прискорбно потерять наших товарищей, но ведь новые открытия часто так и случаются. И это вы считаете бессмысленным? Да вы просто... узко мыслите, сударь! – раскиснул профессор. – Это же явно неизвестный остров! Может, на нем живут люди, может тут неизвестная культура, а может, и нет, но остров-то существует. Он перед нами!

– Успокойтесь, профессор, мы лишь беспокоимся о вашем здоровье. А насчет острова – если он необитаем, то мы, скорее всего, обречены.

– Чего гадать? Надо осмотреть окрестности.

Этим они и занялись. За скалами, отделявшими полосу прибрежного песка от остальной части острова, открылись густые заросли. Мощные стволы деревьев, словно колонны, поддерживали роскошные кроны. Свет яркого солнца проникал сквозь их листву золотыми нитями и, будто проходя через тонкую вуаль, играл отблесками на земле. Лес благоухал свежими запахами и пестрел разнообразием экзотических цветов. То тут, то там на ветках сверкали тонкие паутинки. И чем дальше люди заходили вглубь, тем больше изумлялись красоте нетронутой дикой природы, многоголосию птиц, разнообразию растительности.

– Ох, я устал, как собака, да и есть хочется, – пожаловался боцман и, подтянув к себе ветку на которой красовались желтовато-красные плоды, похожие на персики, сорвал несколько. – Почему бы нам не попробовать эти райские дары?

Он уже собирался надкусить сочную мякоть, но капитан остановил его:

– А вдруг эти фрукты ядовитые?

Зандер замер с открытым ртом, вопросительно посмотрев на профессора. Пирли повертел в руках фрукт, понюхал его.

– Посмотрите вокруг, капитан – эта местность просто рай. А разве ядовитые плоды могут расти в раю? Вы все-таки из-за меня здесь находитесь, пусть уж я испытаю судьбу первым... – и он откусил кусок плода, старательно жуя. – М-м-м, вкусно! Действительно, похоже на персики, только очень-очень сладкие.

Боцман стал торопливо поедать плод и бросил один капитану.

– Вы случайно не знаете, как называются эти деревья, профессор? – спросил Хайнар.

– Откуда?! Похожи на персики, в самом деле, но... – Он разломил плод и показал внутренности: – Смотрите, косточки нет. Точнее есть, но мелкие, как у инжира, и их можно смело жевать вместе с мякотью. В общем, это какая-то неизвестная разновидность, если это все же персик.

– А по мне так все равно, что за плод, лишь бы вкусным был и не ядовитым, – заметил боцман.

– Ну, – сказал профессор, усмехаясь и вытирая руки от сока сорванным листом, – то, что эти фрукты не ядовитые, сомнения не вызывает. Более того, у меня впечатление, что растения эти – культурные, значит, в этом раю должны иметься разумные обитатели. Вот уж, воистину, насмешка судьбы: часто, чтобы попасть на райскую землю, приходится смотреть смерти в глаза.

– Не-ет, смерть не для меня, и я согласен остаться на этой земле, будь она райской, или грешной, – похлопав себя по животу, сказал боцман. – Я вижу, вам хватило одного фрукта, а я голоден как волк, пожалуй, съем еще один или даже парочку.

– Боцман, хорошего аппетита у вас не отнять. Но мне не верится, что остров может быть необитаем, – продолжал настаивать на своем профессор.

Капитан насмешливо подмигнул профессору и покосился на боцмана.

– Может, здесь живут дикие племена, каннибалы? – предположил он. – А почему бы и нет? Здесь даже фрукты нетронуты, обитатели острова, наверное, ждут, не дождутся, когда им попадется упитанный человек, вроде нашего морского волка.

Боцман поперхнулся.

– Не говорите так, капитан, даже аппетит пропал. Но морского волка будет не так просто взять! – он погладил висевший на поясе нож в ножнах.

– Хорошо, что в трудную минуту мы не теряем чувство юмора, – заметил профессор.

– Но, если серьезно, то скоро солнце сядет, а что впереди – непонятно, – предостерег Хайнар. – Нам нужно быть наготове, ведь в любой момент может встретиться зверь или дикарь, поэтому не стоит ходить поодиночке. А до заката нам надо успеть осмотреть как можно больше и поискать места для ночлега.

Боцман торопливо стал наполнять подол тельняшки фруктами.

– Не обременяйте себя боцман, этого добра впереди хватит, а вот набрать бы воды нам не помешало.

– Это, думаю, лишнее, капитан – если таких плодов тут много, то смерть от жажды нам явно не грозит.

Солнце уже закатилось за горизонт, когда путешественники расположились на второй свой ночлег на этой новой земле.

Наутро первым проснулся профессор – ему очень хотелось пить. Капельки росы, словно жемчужины, сверкали на цветах под лучами солнца. Профессор осторожно прикоснулся к цветам, собрав росу в ладонь, смочил губы. Остальные, проснувшись, последовали его примеру и вполне сносно напились.

Они долго пробирались, по, казалось, бесконечному лесу. Расстилали на земле широкие листья и устраивались на ночлег, дежуря по очереди для безопасности. Каких-либо серьезных хищников им не попадалось, но дичи в лесу хватало, и имейся у них оружие посерьезнее ножа боцмана, то рацион из вкусных плодов, который, начал уже надоедать, можно было разнообразить мясом.

14

К концу третьего дня странники вышли к краю леса и им открылись склоны гор. Прямо перед ними бежала грунтовая дорога: предположение профессора об обитаемости этой земли, похоже, подтверждалось.

– Я, кажется, вижу крест! – воскликнул капитан. – Вот там, под горой.

– Откуда здесь крест?! – удивился Зандер. – Это просто каменные глыбы, от них падает такая тень.

– Подойдем ближе и убедимся.

Под скалами люди действительно обнаружили одинокую могилу с каменным же крестом.

– Что я вам говорил! Значит, люди где-то близко.

С гор продолжали спускаться вечерние тени. Клонившееся к зубчатым вершинам солнце вдруг пробилось из-за туч, его лучи озарили закатным светом окрестности, и совсем невдалеке путники увидели белесый столбик дыма.

– Надо подойти ближе. Темнеет, мы могли бы заночевать там, где горит костер. Я сильно надеюсь, что здесь живут цивилизованные люди, – сказал Пирли.

– Профессор, а надпись на могиле вы смогли бы прочитать?

– Затрудняюсь, капитан. Похоже на какой-то очень древний язык. Думаю, здесь похоронен тот, кто был вождем или просто уважаемым человеком.

– Если вы не знаете языка, то как можете определить, кто тут похоронен?

– Обратите внимание на могилу. Ее как таковой нет, только подставка под крест. Так в древние времена хоронили вождей или жрецов, то есть, сидя. До нашей эры на материке жили племена христосцев, они как раз так и хоронили своих умерших. Но, увы, истории мало чего известно о них – они бесследно исчезли.

Восточный склон оказался более отлогим, и по его откосам можно было легко спускаться. Профессор остановился, внимательно прислушиваясь:

– Тихо! Слышите шум водопада? Значит, недалеко есть речка.

Путешественники ускорили шаг, дорога становилась все более пологой. Скоро их взорам открылся большой водопад. Множество ярких звезд сверкали на небе, и водный поток переливался серебряными нитями, падая вниз и превращая свою хрустальную чистоту в пену, растворяющуюся в водах горной речки.

– Вот так красота! – изумленно произнес боцман и, сняв на ходу драную тельняшку, не задумываясь, бросился в воду. – Идите сюда! Вода пенистая, как хороший шампунь, в момент снимет усталость.

Его спутники охотно последовали за ним.

Когда они вдоволь накупались, капитан сказал:

– Надо идти туда, где мы видели дым, узнать, что там за люди. Вежливо попросимся на ночлег, а дальше чему быть, того не миновать. Все равно никуда мы тут не денемся, придется показаться местным. Надо искать людей, чтобы получить помощь, – и он посмотрел на профессора, который одобрителем кивнул.

15

Наконец они добрались до места, откуда вился дымок. У костра, неподалеку от пещеры, сидел человек в необычной одежде, крутя вертел с куропаткой. Поглощенный своим занятием, он тихо напевал.

Профессор решил первым вступить в разговор. Подойдя ближе, он обратился к хозяину хижины:

– Извините, вы не позволите нам заночевать у вашего костра?

Незнакомец вздрогнул:

– О, Христос! – воскликнул он и перекрестился.

– Вот это да, думал, на этом острове встретим людоедов, вышло все наоборот, – изумился боцман. – Похоже, это он увидел в нас дикарей!

Христосец осмотрев чужеземцев, ушел в хижину.

– Это очень странно... – пробормотал профессор.

– А что в этом странного профессор. Сначала он был напуган нашим присутствием, потом спокойно пошел, позвать своих, расправиться с нами. Надо уносить от сюда ноги!

– Успокойтесь, Зандер, если даже и так, нам все равно некуда бежать, – заметил капитан.

– Он одет примерно как изавиец в древние времена, – сказал Пирли. – Как я и говорил, из святых писаний известно, что существовал избранный народ, истинно верующий в Христа, поэтому их называли христосцами. Со временем этот народ начали преследовать, и христосцы исчезли. О них сложили легенду, что, якобы, их души до сих пор живут в некой тайной стране.

А христосец в это время молился, вспоминая учителя, говорившего о приходе чужеземцев на их землю. Наконец он вышел из хижины, откинув висевшую на входе шкуру медведя – изнутри дома на путников пахло душистым разнотравьем.

Хозяин хижины заговорил на непонятном для чужеземцев языке, держа крест перед собой, и не составляло большого труда догадаться, что он читал молитву.

Хайнар задал несколько вопросов на разных языках, но ответом оставалось молчание.

– Может, вы сможете с ним объясниться? – сказал он, обращаясь к Пирли и с досадой хлопая себя по бедру. – У меня ни черта не получается!

Неожиданно профессор встал на колени:

– Боже правый! – его переполняли слезы радости. – Это же действительно христосцы, и я впервые слышу их язык!

– Тогда как вы можете утверждать, что это христосцы? – с сомнением поинтересовался капитан.

Незнакомец растерялся, тоже что-то говоря. Боцман с недоумением посматривал на профессора:

– Что же все-таки он говорит? Видимо, мы опять его испугали, он вроде как чем-то недоволен...

– Разве не видите, я стою перед ним на коленях? На этом острове все равны. Любить ближнего им завещал сам Иисус. Но этот абориген не может понять, что я плачу от радости великого открытия. Я и не подозревал, пробираясь на этот аномальный архипелаг, что найду здесь жителей, настоящих христосцев!

Христосец помог встать профессору, вынес из хижины шкуры, расстелил у костра и жестом предложил присесть. Боцман жадно выпил поданное молоко и, облизнувшись, погладил живот. Ученик старца понял: угощение понравилось гостям, принес еще и, состроив на голове рога, показал на горы.

– Он явно хочет сказать, мы пьем молоко горной козы, – профессор рассматривал сосуд из стекла с плавающими в нем травинками. – Очень интересно, это похоже на наше небьющееся стекло.

Боцман легонько постучал им о камень.

– Вы правы, профессор, этот народ цивилизованный, несмотря на вроде как достаточно примитивный образ жизни. Но, кажется, этот парень собирается поить нас только молоком, – он глядел на дичь голодными глазами. – Ах... как мне жалко эту куропатку...

Профессор попытался объяснить радушному хозяину, что они голодны и их друг с удовольствием съел бы эту птичку. Незнакомец досадливо пожал плечами, показал на уже обугленный кусочек дичи – пока они пытались наладить общение, тушка сильно подгорела. Недолго думая он, направился к небольшому каменному сооружению и принес несколько рыбин, почистил их, сдобрил каким-то специями и зажарил на раскаленных углях.

Подкрепившись едой, по которой давно соскучился, боцман сделался крайне благодарным.

– Очень вкусно, – сказал он. – После такой жирной рыбки меня уже почти не волнует, что нас ожидает завтра. Теперь можно и поспать.

Профессор, кряхтя, потянулся:

– Вы не чувствуете себя, как в сказке? Спать на таких мягких шкурах, да еще в горах, как в стародавние времена... Для меня такое в новинку.

Ученик старца потушил лампу – и все вокруг укутала тьма. Изнуренные долгой дорогой путешественники заснули, кто посапывая, а кто и громко храпя.

16

Рано утром их разбудил хозяин хижины, знаками объяснив, что поведет их в город, в замок короля.

Путь лежал по пустынным горам, но, наконец, они вошли в населенную местность, и путешественники сразу же обратили внимание, с какой любовью островитяне относятся друг к другу. Так же радушно встретили их и в замке.

Подошел один из служителей и приложил руку к груди:

– Приветствую тебя, ученик старца. Откуда ты привел этих людей?

Ученик рассказал, то, что он сам понял из объяснений чужеземцев: их было гораздо больше, остальные погибли в кораблекрушении, а выжившие набрали на его хижину.

– Нет, брат мой, тебе не придется читать молитву за упокой души их товарищей, – возразил служитель. – Они все спасены рыбаками, а лекари оказали чужеземцам необходимую помощь. Матросы говорили, погибло трое – капитан, его помощник и, кажется, среди них был еще ученый. Наверное, это они и есть?

– О чем они говорят, профессор? – вполголоса спросил Хайнар. – Уверен, о нас.

– Думаю, вы правы, мой дорогой капитан. Видите, как они приветливы к нам, искренни, видимо, нас ожидает хороший прием.

Ученик старца ушел ненадолго и вернулся с человеком, представившимся Гуатром. Он поприветствовал нежданных гостей и повел их к правителю острова.

Взору путников открылось великолепное убранство зала. По периметру возвышались статуи из мрамора, удерживающие свод. Стены и свод были выложены мозаичным изображением. Чужеземцы стояли на черном мраморе, словно на зеркале, пораженные тем, что смогли сотворить руки обитателей этого неизвестного никому острова. Во всем чувствовалось мастерство и душевная простота.

Посреди зала стоял высокий мужчина в светлых одеждах, во всем облике которого угадывались сила и трезвый ум. По его знаку к нему приблизился один из христосцев, который начал разговор на вполне хорошем изавийском языке:

– Наш король и наш народ приветствует вас на нашей земле! Мы рады, что вы остались живы. Знаем, ваш корабль потерпел крушение, и все посчитали вас мертвыми, ведь еще никому не удавалось преодолеть зону рифов, штормов и туманов.

Тот, кого переводчик назвал «королем», кивнул и сказал:

– Вас спасла рука Господа Бога, не иначе.

Профессор поклонился:

– По тому, как вы нас встречаете, видно, что вы народ истинно любящий. Как говорил сын Божий в писаниях, нет выше призвания, нежели любить ближнего. Поскольку я ученый, я знал, что существовал такой народ. Я благодарен судьбе, что нахожусь перед христосцами, и кланяюсь вам в знак уважения.

Боцман и капитан последовали его примеру и, скрестив руки, поклонились.

– Только объясните мне, дружище, – спросил капитан Хайнар у человека, знавшего их родной язык, – как вы узнали, что наш корабль попал в шторм, и что нас было тридцать семь человек? Это меня удивило больше всего.

На это человек улыбнулся и перевел королю прозвучавший вопрос. Люди в зале оживились, а переводчик, после того, как король ему что-то сказал, вновь обратился к чужеземцам:

– На ваши вопросы ответит его сын, принц Камрин. Он же познакомит вас с окрестностями, но это будет завтра, а сейчас, говорит король, вам необходима теплая ванна и отдых. Король польщен вашим знанием. Несмотря на великие трудности в океане, вы сумели про-

плыть через все рифы и скалы, и у нас есть радостная весть, для вас. Вот, смотрите! – и он указал на двери.

Какого же было изумление капитана, боцмана и профессора, когда в зал вошли матросы.

– Это же наши! Братцы! – боцман Зандер бросился к ним. – Гонард, Вахтер, вы живы?!

– Как же вам удалось спасти наших товарищей?! – спросил капитан. – Я безмерно благодарен вам, король за своих матросов.

– Благодарите наших рыбаков, чужестранец.

Христосцы разошлись, оставив команду наедине с самими собой. Один из матросов спросил:

– А как вам удалось спастись, боцман? Мы-то думали, вы погибли...

– Так и мы посчитали погибшими вас, думали, нас осталось трое. В общем, повезло всем.

Расскажите лучше, как к вам тут относились?

– Да этот остров просто чудо! Люди здесь замечательные, живут просто и дружно.

– В этом мы успели убедиться, – заверил Пирли.

Другой матрос заметил:

– Профессор, когда-то я читал священное писание, где сказано, что человек должен строить церковь в своей душе, и его дом должен быть крепок, как и его вера. Похоже, здесь люди так и живут – все добры друг к другу, жилища просты, но красивы, все вокруг утопает в зелени. Куда ни посмотришь, всюду встречаешься с красотой, душа отдыхает, не то что у нас дома. Если бы они мне позволили, я остался бы здесь на всю жизнь. Похоже, здесь даже нет богатых и бедных!

– Разве они не ведут торговлю? – удивился капитан Хайнар.

– У них вообще нет денег, представляете? Вещи они дарят либо меняют – у них даже торговля очень проста...

Переводчик, сопровождавший их, улыбнулся и сказал:

– Вы скоро увидите сами, что мы живем по законам Иисуса. А пока позвольте проводить вас в баню, где вы омоетесь после всех ваших странствий. К ужину в вашу честь в саду накроют большие столы. Будут танцы, песни, состязания.

– Эх, братцы, – радостно повторил тот матрос, который говорил про священное писание, – иногда мне кажется, что я точно попал прямо в рай.

17

Войдя в баню, путники ощутили ароматы нагретых трав, смешивавшийся с клубами мягкого пара.

– Да уж, все замечательно, – бормотал боцман, быстро стягивая с себя грязные лохмотья погружаясь в благоухающую влагу керамической ванны, где он надолго и затих.

Через какое-то время профессор спросил его:

– Милейший, вы там не уснули случайно? Не хватало еще после всего в ванне утонуть.

После нескольких секунд молчания Зандер медленно открыл глаза.

– Уф, какое блаженство! Профессор, а ведь это благодаря вам мы попали в этот рай и оказались в этой душистой ванне.

– Что же, приятно слышать признание своих заслуг. Но хочу напомнить, что после шторма кто-то бросался на меня, как волк, и винил во всем случившемся. Вы случайно не знаете, кто это был, а, капитан?

– Профессор, кто старое помянет, тому глаз вон, – раздался хриловатый смех боцмана. – Кстати, а вы обратили внимание, какие у них стройные женщины? Интересно, у них все такие красавицы или только вокруг королевского замка такие крутятся? После такой баньки я бы не отказался и приватно побеседовать с одной из них.

– Ради Бога, Зандер! Надеюсь, вы проявите учтивость при завязывании знакомств? Не хватало только обидеть кого-то из местных!

– Да не волнуйтесь, профессор, я умею держать себя в руках. А моральное право я имею – я же старый холостяк, сердце мое свободно, как говорится, как и все остальное! – И Зандер захохотал.

Поднявшись из ванны, капитан удовлетворенно произнес:

– Какое блаженство! Эти цветочные лепестки не только тонизируют, но и великолепно отмывают тело. Ого! Посмотрите, что для нас приготовлено, ну надо же – наши новые костюмы.

Примерив на себя местные одеяния, они неожиданно нашли их удобными и не стесняющими движений. Казалось, даже одежда на этом острове была под стать светлому и радостному укладу жизни его обитателей.

В саду звучала громкая музыка, отовсюду послышалось пение. Кто-то накрывал столы, кто-то жарил дичь и мясо, кто-то подносил блюда с овощами и фруктами.

– Посмотрите, наши матросы тоже среди танцующих! И когда они успели научиться? Я бы тоже станцевал, но боюсь, мне помешает приступ голода. Лучше пойду приму свое лекарство, – кивнул боцман в сторону запекающегося на огне барана.

– Сколько лет с ним хожу в плавание, в какие только переделки ни попадал, и ни разу не видел, чтобы он потерял остроумие.... Ого! Профессор, кажется, юная красавица хочет пригласить вас на танец.

К профессору направлялась прелестная девушка. Она улыбнулась и сделала знак, подтверждающий слова капитана.

– О, мисс, – профессор чуть смутился, – я весьма польщен вашим приглашением, но я же не знаком с вашими танцами и, боюсь, окажусь плохим партнером.

– Я научу тебя брат мой, – ответила девушка на неплохом изавийском. – Заложил руки за спину, а плечом прикоснись к моему плечу, и мы окажемся в кругу танцующих пар.

– Вы хорошо говорите на нашем языке. Я вот ученый, но вашего языка не знаю.

– Нет, я не слишком хорошо говорю на вашем языке, – улыбнулась девушка, – мое произношение оставляет желать лучшего. А вот Камрин говорит много лучше, я тебя познакомлю с ним позже. А правда, что в ваших странах без проблем невозможно жить? И друг к другу там обращаются на «вы», будь это мать или отец?

– Ну, на «вы» мы говорим, как правило, с незнакомыми людьми, но поскольку таких всегда большинство, то можно сказать и так, – кивнул Пирли. – А вы обращаетесь иначе?

– Как Иисус к нам обращался, как Господь велит – брат мой, сестра моя. Ведь перед Богом мы все братья и сестры.

– Значит, и я буду обращаться к вам, как повелел Господь. А можно узнать, как зовут мою сестру?

– Афра.

– Ты, верно, дочь короля, я угадал?

– Нет, я дочь его друга. Но я его любимица, мы даже на охоту ездим.

– А кто тот плечистый рыцарь, что наблюдает за нами и держит руки на поясе?

– Это и есть Камрин. Ты бы видел его на коне! Если одной рукой он держит узду, другая обычно на поясе. Он очень дорожит своим Сураджем и орленком Хунгуром, который часто сидит у него на плече. Для меня он тоже как сокол: летает высоко, а я не в силах его поймать.

– Ты говоришь о нем так восхищенно, наверное, он твой избранник?

– Он не знает, что происходит в моей душе...

– Афра, кажется, я устал, – сказал профессор, догадываясь о желании девушки. – Был бы я в твоём возрасте, с утра бы до вечера танцевал. Почему нам не пригласить на танец этого молодца?

– Буду тебе очень благодарна, брат мой, – засмушалась Афра. – Нужно три раза хлопнуть в ладоши – это значит, мы выходим из круга. Приглашая его на танец, делаешь легкий поклон и отходишь на три шага назад.

– Понятно, а если он вдруг откажет?

– Не откажет, у нас не принято обижать друг друга.

– Тогда вперед!

Когда Афра с Камрином оказались в кругу, юноша заметил:

– Как тебе всегда удается добиться того, что замышляешь?

– О чем ты, Камрин?!

– Не прикидывайся овечкой, это твоя затея была, пригласить меня танцевать? Лучше признайся!

– Признаюсь...

– Ясно! Ну, чтобы завтра не просилась со мной на рыбалку!

– За что? Я же призналась!

– За то, что призналась, больше тебя никуда не возьму.

– Тебе ничем не угодишь. Родители ведь тебе не раз говорили, чтобы ты был вежлив со мной. Знай: я твоя веревка, куда ты, туда и я. Понятно? Вот так, – и она сделала три хлопка, означавшие, что выходит из круга, не желая больше с ним танцевать.

Камрин, приглаживая юношеские усы, довольно улыбнулся ей в след.

– Смейся, смейся, еще не вечер!

Послышался перезвон церковных колоколов, и люди, поблагодарив друг друга, начали расходиться.

– Вы отлично танцевали, – заметил капитан, останавливаясь рядом с профессором.

– Спасибо, все замечательно, но я немного устал, – ответил Пирли, оправляя складки своей туники.

К их разговору подключился Камрин:

– Уважаемые гости, мне хотелось бы показать вам дорогу в храм. Воскресенье – день Божий, мы посвящаем его Отцу нашему. Молимся за благосостояние всех живых и за упокой душ умерших. Для удобства у нас в каждом селении у нас есть храмы, но здешний построил мой предок Авегон Тарион несколько веков тому назад.

– Нам не терпится увидеть ваш храм! – воскликнул профессор. – Мы видели его издали – он прекрасен. Не сомневаюсь, что он так же прекрасен и внутри.

– Да, снаружи наши храмы красивы, их купола сверкают золотом и серебром, а внутри все очень просто, без излишеств. Так же и человек должен быть внешне приятен, но прост душой. У нас нет томительных служб, мы не молимся перед иконами или статуями, только каждому приходящему в храм служители подают белый ситец покрыть голову. Наши отцы учат, что храм необходимо строить прежде всего в своей душе. Насколько я слышала, в иных странах многое иначе?

Пирли немного смутился.

– Ну... – профессор развел руками, удивляясь осведомленности этого юноши с затерянного в океане острова.

– Надеюсь, я не оскорбил твои чувства? – поспешил извиниться Камрин.

– Нет, нет, друг мой, ты прав во всем, как бы ни было больно это сознавать. В нашей стране в каком-то смысле правит Сатана и деньги – это правда. Но я люблю свой народ, свою страну, несмотря ни на что. В одном могу заверить: таких, как я, любящих сердцем, там тоже хватает. Может, не мы, так следующее поколение изменит жизнь к лучшему. Вы же своим сознанием и любовью создали себе райскую землю, вместе работаете, вместе плачете, вместе радуетесь. Как это прекрасно, сынок! Как я рад за вас, за ваш народ, за вашу любовь, за вашу веру, мой юный друг. Мы ведь все Его дети, но почему-то следуем Его заветам по-разному...

Капитан решил переменить тему:

– Будет легче, если мы поговорим о чем-нибудь другом.

Пирли, тоже радуясь перемене темы, добавил:

– Кажется, тебя, брат мой, можно поздравить с удачным выбором подруги. Она очень красива и неугомонна, – улыбнулся профессор.

– Любимица моего отца, поэтому она мною командует. Она мне как сестра.

– Тогда открою тебе маленький секрет: ты ее избранник!

Камрин засмутился, но они уже подходили к храму.

Служба прошла, как и говорил христосец, просто, но было видно, что каждый молящийся обращался действительно к Богу в своей душе, а не к помпезным атрибутам Его преклонения, навязываемым церквями в других землях.

18

Во время ужина король Тавын продолжил разговор:

– Не пришлось скучать с моим сыном? Он может ответить на многие интересующие вас, братья мои, вопросы, а завтра покажет наши селения.

– Мы определенно подружились, – ответил профессор. – Он очень образован и учтив для своего возраста. Но еще большее впечатление на меня произвели ваши храмы. Там нет надуманных служб, молитвы не многословны, часами не приходится стоять, повторяя обязательны тексты, многие из которых люди и не понимают. А вы читаете ту молитву, которую Иисус оставил после себя, разговариваете с Богом, как с другом. Как Камрин говорил, у каждого из вас храм построен в душе. У нас, к сожалению, все наоборот: много молитв, много придуманных святых, могут даже сделать грешных царей святыми и молиться для выгоды политики. Мы считаем себя верными христианами, но далеки от истинной веры. Побывав в вашем храме, я многое понял. Вернусь домой и обязательно напишу книгу о вашем острове. Знаю, такая книга мне принесет не только известность, но и много хлопот со служителями веры, но я не сомневаюсь: сторонники истины всегда подадут мне руку.

Закончив ужин, большая часть команды отправилась отдыхать, а король, Гуатр, переводчик и профессор допоздна беседовали в библиотеке. Христосцы поведали Пирли о предсказаниях старца.

– Так что, профессор, – молвил Тавын, возвращаясь к словам, сказанным за ужином, – несомненно, твоя книга принесет тебе славу, как автору. Но наш остров она приведет к гибели.

– Этого не может быть! – горячо возразил Пирли. – Конечно, лучший способ сохранить тайну – нас всех убить или держать в плену, тогда ваш остров вряд ли найдут скоро...

– Грех думать о таком, – задумчиво сказал король. – Преднамеренное продуманное убивать для христосцев чуждо.

– В любом случае, убьете вы нас или нет, – продолжал профессор, – это только отсрочит открытие вашего острова другими народами. Не одно столетие для исследователей морей существовала загадка вашего аномального архипелага. Он занимает не малую площадь, но никто до нас не смог проплыть между всеми этими рифами и скалами при таких частых штормах, туманах и стремительных течениях. Но, коли единожды прошли мы, то, рано или поздно, пройдут и другие. Сейчас люди начали строить летающие машины – аэропланы. Пока эти механизмы не могут пересекать океаны, но, несомненно, когда-нибудь к вам долетят по воздуху, если не доплывут по воде. В любом случае, я уже знаю, что ваши паломники тайно плавают на материк в праздник Пасхи. Значит, имеются ведомые вам пути через рифы и шторма. И, значит, рано или поздно, их найдут и другие люди.

– Это, собственно, и говорится в пророчестве нашего старца, – печально заметил король.

Пирли всплеснул руками:

– Но, может быть, не стоит таиться? Христосцы создавали свою жизнь веками, у вас прочные моральные основы. Находясь у вас, я поверил в Божье чудо. Возможно, пришло время рассказать всему миру об этом? Возможно, глядя на ваш пример, на вашу чистую и светлую праведную жизнь, многие люди в большом мире захотят того же? А если не захотят – ну что ж, вы вправе защищать свой дом с оружием в руках. Хотя, конечно, против оружия внешнего мира, вы вряд ли выстоите, у вас нет ружей. Опять же, у вас есть залежи драгоценных камней и золота – выкупите любое оружие!

– Я тоже рассуждал как ты, брат мой, – признался Гуатр. – Но потом вспомнил, никто не давал права отнимать у человека жизнь, даже если он враг. Всю ночь я провел в храме, в молитве. Никто не имеет права от имени Господа благословлять сынов на смерть, лучше бы служители ваших храмов, молились за мир. Если поднимется меч и прольется кровь, весь наш

народ окажется под гневом Господа. Надо постараться сохранить терпение. Терпение и любовь – дорога к Вечности. За человеческие грехи придется отвечать не только в этой жизни, но и в ином мире. Тысячелетиями наш народ жил без крови, поэтому Бог всегда к нам милостив.

– Уже светает, – вздохнул, король, обращаясь больше к профессору, чем к Гуатру. – Пока вы наши гости, библиотека будет в твоём распоряжении, брат. Если что-нибудь тебя заинтересует, можешь обращаться к нашим ученым.

19

На следующее утро, на предложение Камрина поехать в Хашмар профессор, не раздумывая, согласился. Во дворе их ждали два статных скакуна. Один из них, вороной, бил копытом землю, глаза под челкой смотрели дико и возбужденно. Светлый, с белой раскидистой гривой выглядел более спокойным.

– Ого! Вот так красавцы! Мне еще не доводилось видеть таких коней, просто пышут энергией!

Камрин с легкостью вскочил на своего скакуна.

– Тогда ты должен почувствовать ее брат мой, – сказал он, придерживая узду, чтобы профессор мог сесть в седло.

– До города далеко?

Камрин, заметив робость профессора, объяснил:

– До заката солнца мы будем на месте, через день вернемся. А я выбрал тебе спокойного коня.

Неожиданно, сверху послышался шум хлопающих крыльев, и белый орленок сел на плечо Камрина.

– А, дружище! Это Хунгур, – сказал юноша, погладив птицу.

– Кое-кто о трех твоих друзьях мне уже рассказывал.

– Догадываюсь, кто.

– Как тебе удалось его поймать? Обычно орлы живут в недоступных местах.

– Разве можно разлучать ребенка с матерью? Мы охотимся только в сезон охоты, но для многих христосцев охота просто увлечение. Как-то с друзьями в горах, укрывшись за скалой, наблюдали, как мать-орлица учит летать птенцов. Не представляете, как это трогательно! С нами был художник, он хотел запечатлеть картину. Случилось так: птенец упал перед нами и повредил крыло. Орлица была занята другим птенцом. Пришлось забрать его с собой, чтобы не погиб. Лекарь его подлечил, а потом я вернул птенца на прежнее место, приезжал часто, подкармливал. В очередной раз, возвращаясь из гор, к моему удивлению, он узнал меня и сел на голову Сураджу. В общем, с тех пор мы неразлучны, – улыбнулся Камрин.

Профессор с восхищением посмотрел на юношу – в накидке, перекинутой через плечо, подпоясанный кожаным ремнем и в сандалиях, тот был похож на Геракла.

– Вы очень практично одеваетесь, – заметил Пирли.

– Да, у нас удобная одежда, Старшие, предпочитают одежду длинную, а молодые могут носить до колена.

– Жаль, во время шторма я потерял фотокамеру. Сейчас бы пригодился, твоя фотография принесла бы известность.

– Я не люблю фотографироваться, да и ни к чему. Но и у нас тоже можно сделать фотографии. Мы не закрываем глаза на то, что происходит на материке, и из поездок привозим интересные технические образцы. В каждом селении есть торговые центры, как у вас говорят, у нас называются хранилищем. Много образцов ваших вещей хранится там, а кое-какие даже созданы ради интереса. Допустим, сегодня мне эта вещь не нужна, я отношу ее в хранилище, другому пригодится; тому будет не нужна, возьмет третий. Мы не занимаемся избыточным производством, и так во всем. Зерно, продукты, хозяйственные товары – все берут столько, сколько нужно, а остатки оставляют в хранилище. Если необходимо еще что-то – служащий без всяких разговоров предоставляет нужные вещи.

– А где останавливаются приезжие? У вас ведь нет гостиниц.

– Храм и есть дом для нуждающихся в крове, чтобы каждый мог найти там покой и утешение. Это еще раз говорит о любви к ближнему, и каждый христосец рад неожиданному гостю.

– Как вам удалось сохранить мир таким, каким он должен быть?

– Любовью, не только к Богу, но и друг к другу. Разве я не прав?

– Ты абсолютно прав, мой юный друг. После того, что увидел я здесь, горько мне смотреть на отношения людей в нашей стране. У нас слишком много зависти, подозрительности, корысти. Мы не научились по-настоящему любить и прощать, а, возможно, просто разучились.

– Любовь – дар Божий, это вера, терпение, самое лучшее в человеке, без них невозможно жить. Люди должны жить в любви во всем мире, когда ее нет, жизнь теряет смысл.

– Кстати, друг мой, – спросил профессор, – как вам удаются все ваши достижения – я имею в виду сейчас не духовные, а научные? Например, ты сказал, что вы воспроизводите многие вещи, которые сделаны у нас. Как? Ведь вы даже не используете в быту электричество. У нас его начали применять уже полвека тому назад, и сейчас невозможно представить нашу жизнь без электрических станций.

– Нам они не нужны, – ответил Камрин, – ведь подобные сооружения наносят большой вред природе. Мы используем энергию Солнца, и в очень ограниченных масштабах. Зачем строить сооружения, которые отравят воздух и сократят человеческую жизнь? Бог наделил человека разумом, умением творить и создавать, но надо делать это не во вред себе.

– Утопия наяву, – пробормотал Пирли. – Возможно, ты прав. Но наука шагает вперед семимильными шагами, и было бы преступлением для современного человека остановить прогресс...

Камрин развел руками:

– На все воля Божья. А как ты считаешь, профессор, смогут ли люди нашей планеты отправиться когда-нибудь к другим мирам?

Пирли улыбнулся.

– Наверняка это когда-нибудь произойдет, но вряд ли очень скоро. Ведь мы только недавно освоили полеты по воздуху на аэропланах. А полет к другим мирам – намного более сложная задача. Да мы и мало знаем о других мирах. Разве вы, христосцы, что-то о них знаете?

– У наших мудрецов имеется древнее знание. Пророк-старец рассказывал моему отцу, что есть несколько обитаемых планет во Вселенной, где живут люди, и где верят в Иисуса.

Профессор с сомнением посмотрел на юношу:

– Возможно ли такое? Ты веришь этому?

Камрин улыбнулся:

– У меня нет оснований не верить старцу, брат мой.

Профессор тоже улыбнулся и промолчал. «Вот в этом они дети своего мира, – подумал он. – Древние легенды принимают за истину. Хотя, кто знает... Возможно, истинная вера часто несет и большое знание?...»

– Я слышал о рассказах старца про планету Ферина, – продолжал Камрин. – Даже есть указания на звезду, вокруг которой она кружит, как наша Аури вокруг нашего светила. Не знаю, почему, но эта планета меня завораживает. Мне также хотелось бы увидеть Землю. Говорят, на ней учитель наш, Иисус претерпел большие страдания.

Профессор только снова улыбнулся – если откровенно, он просто не знал, что можно сказать по поводу этих мечтаний юноши, живущего на уединенном острове, где жизнь хоть и была прекрасной, но внешне мало отличалась по техническому уровню от жизни в Средневековье, хотя в Средневековье, безусловно, очень нравственном и просвещенном.

20

Несколько дней Пирли провел с Камрином в разъездах и увидел жизнь селений и городков острова христосцев. Несмотря на кажущуюся с первого взгляда примитивность, жизнь эта была удивительно чистой, светлой и нравственной. Глубокая вера христосцев поразительным для профессора образом позволял им оставаться открытыми, любящими людьми и при этом не настолько не нарушать гармонию жизни с природой, что Пирли только диву давался. При том, что на острове имелись большие выходы золотоносных пород, христосцы считали его не более, чем подделочным металлом, годным разве что на украшения, но никак не использовали в своей экономике. Алмазы, трубки которых выходили на поверхность аж в двух местах на острове, жители применяли тоже либо в украшениях, либо в качестве рабочих инструментов, позволяющих обрабатывать твердые материалы.

«Неужели истинная любовь к ближнему и всему сущему способна творить и такие чудеса?» – постоянно думал Пирли.

Когда они, наконец, вернулись в королевский замок, одним из первых профессора встретил там капитан.

– А я хочу сообщить вам новость, – сказал он сразу после приветствия.

– Вы не представляете, сколько я увидел, капитан! Но что случилось? Вы чем-то озабочены?

– Нам пора собираться в путь, – Хайнар развел руками. – Даже не знаю, радоваться этому или печалиться.

– Мы возвращаемся?

– Послезавтра отправляемся, команда уже готова. Король сказал, понравившиеся нам изделия из золота, алмазов мы можем взять, раз они необходимы в нашей жизни. Это будет подарок от их народа.

– Нам не стоит слишком злоупотреблять их щедростью, – с сомнением заметил профессор.

– А женщину можно с собой взять, капитан? – спросил подошедший боцман.

– Ради Бога, дружище, что за непристойный юмор?! – возмутился Пирли.

– Ох, профессор, я и сам не знаю, чего мне хочется. Просто думаю, если женюсь, то останусь здесь. А если поеду на родину с женой, то будет повод вернуться сюда.

– Я вас прекрасно понимаю, друг мой, – сочувственно ответил профессор. – Вы не один желающий остаться на этой земле. Но никто из нас не готов к такой жизни... вспомните, какова наша свобода, к чему она сводится: оскорблять друг друга, напиваться до умопомрачения, притеснять других, воевать. Мы не понимаем истинного значения свободы. Что бы изменить нашу жизнь, нужна революция, но это нам не по силам, даже если очень захотим. Не в том духе мы воспитаны, все мы умрем грешными. Нам нельзя здесь оставаться. Недопустимо, чтобы кто-нибудь из нас нарушил их праведную гармонию.

– Надеюсь, нам не придется снова бороться со смертью на паруснике? Пароходов-то у них нет, как я понимаю, – заметил боцман.

– Успокойтесь, боцман, их парусники очень надежны. Из древесины местного красного дерева, получают прочные корабли, жаль, у нас такие деревья не растут. К тому же, их лоцманы проведут нас безопасными курсами – нам не придется рисковать так, как на пути сюда. Кроме того, на судне имеется радиотелеграф, вот вам и Средневековье! Хотелось бы надеяться, что правительство не конфискует у меня этот корабль.

21

На берегу было оживленно, звучала музыка, юные красавицы надевали морякам прощальные венки.

Профессор и капитан подошли к королю.

– Мы попрощались со всеми, с кем успели познакомиться и подружиться, – сказал Хайнар. – Позвольте и с вами попрощаться, король. Спасибо вам за все! Я не зову вас в свою страну, в нашем грешном мире вам делать нечего. Разве что, приезжать иногда инкогнито на христианские праздники. Спасибо еще раз, – и он крепко пожал руку короля.

Пирли добавил:

– И я не могу найти настоящих слов благодарности. Я счастлив, что стою пред древним народом. Бог всегда с вами, пусть так и будет, во веки веков. В общении с вами я понял главное – словом и истиной любовью можно лечить душу. Король! Мы уезжаем, но сделаем все, чтобы ваш остров не пострадал от нашего визита. Я успел искренне полюбить вас христосцы!

– Божьего благословения вам, братья! – ответил Тавын.

По молитве священника об их благополучном возвращении на родину, капитан приказал отдать концы и судно медленно отошло от пристани. Христосцы бросали на возу цветы.

Прошло всего десять, и корабль уже бороздил просторы океана Тайфун. Боцман стоял на палубе:

– Да, чувствуется, приближаемся к дому, – сказал он. – В это время у нас начинаются холода, не то что там. Но в гостях хорошо, а дома все же лучше. Гм... удивлен, как я мог произнести эти слова, побывав в славной стране христосцев? Капитан, вы оповестили порт о нашем возвращении?

– Конечно, боцман, через двадцать четыре часа будем дома. Слышите, профессор?

– Он нас не слышит, наверное, уже мысленно пишет свою книгу.

Профессор задумчиво смотрел вдаль. Услышав слова боцмана, он сказал, как бы разговаривая с самим собой:

– Как странно, человека тянет туда, где он жил и провел детство, даже если эта страна всеми забыта и проклята...

В порту их ждали, и когда судно встало на якорь, зазвучала музыка. К профессору, капитану, боцману и всем членам команды ринулись репортеры, засыпая их вопросами:

Пирли едва отбился от настойчивых журналистов:

– Насчет нового открытия в двух словах я вам рассказать не могу, вы все равно не поверите. Но хочу заявить: я, профессор Пирли нашел этот новый мир! В этой сказочной стране живут прекрасные люди, истинный народ – христосцы. Обо всем остальном вы сможете прочитать в моей книге. Теперь дайте мне, пожалуйста, встретиться со своей семьей, с которой я так долго был в разлуке. А, что касается этого судна, вот капитан и команда, поговорите с ними...

Но профессору не дали долго пообщаться с семьей – как и журналистам с Хафнаром: их обоих вызвал к себе командующий флота Изавии.

22

С сигарой в зубах адмирал нервно расхаживал по кабинету. Кивнув на приветствие путешественников, он сразу перешел на повышенный тон:

– Будьте любезны, объясните мне, капитан Хайнар, что все-таки произошло. Вы ошеломили страну, выйдя на связь. Вас считали уже погибшими, а весть о вашем открытии стала сенсацией. Уму непостижимо: в наши дни – неоткрытая земля! Прекрасно, что изавийцы сделали столь масштабное открытие, мы всем утерли нос. Не одно столетие никому не удавалось открыть тайну этого района. Но, имейте в виду: если это окажется уткой, нас заживо съедят – не только пресса, и все эти болтуны-политики. Тогда каждый из вас мне дорого заплатит. Я не позволю выставлять себя на посмешище... Какого черта вы молчите?!

– Господин адмирал, вы слова мне не даете сказать, – возразил капитан Хайнар. – Осмелюсь доложить, несмотря на то, что моя команда состоим на службе у изавийского флота, путешествие носило частный характер, и вы не имеете права нас ни в чем обвинять. Мы живем в свободной стране, если можно так сказать, столкнувшись с истиной свободой.

– Так, значит, все это правда? Вам есть, что предъявить для доказательств? Вы побывали на неизведанной земле и там есть жители?.. Да присаживайтесь, господа, присаживайтесь... – адмирал тоже сел за стол. – Вы уж простите меня, старика, за резкость, мне ведь важна правда. Так что давайте, выкладывайте все детально: через два часа мы должны быть у президента.

– У президента?! Лучше отправить туда профессора, он объяснил бы все с научной точки зрения.

– Об этом не беспокойтесь, и он туда отправится – ему уже доставлено официальное приглашение...

Оказавшись в безвыходном положении, Хайнар и Пирли волей-неволей вынуждены были рассказать все, что с ними приключилось, а затем повторять это же и у главы государства. Домой профессор вернулся несколько уставший и помрачневший. Расстегнув ворот рубашки, он тяжело опустился в кресло.

– О, дорогой, ты вернулся! Но что с тобой, ты не болен после этого путешествия? – забеспокоилась жена, прикладывая ему руку ко лбу. – Неужели вам не поверили в президентском дворце?

Пирли вздохнул:

– Еще как поверили! Сказали, что я сделал великое открытие для нашего народа и достоин высокой награды. И не только я, но и вся команда.

– Это же прекрасно, ты ведь об этом и мечтал! Чем же не доволен теперь? Устроят новую экспедицию и убедятся во всем сами.

– Вот именно этого я и боюсь... Пойду-ка в кабинет, мне надо подумать. И, пожалуйста, Ларана, не мешай мне пока.

Через какое-то время супруга заглянула в комнату мужа и застала его склонившимся над географической картой.

– Дорогой, тебе не кажется, что нам надо серьезно поговорить? Я имею право знать, в чем дело! Ты недоволен, что они отправят экспедицию на остров, но что же в этом плохого? После этого мы станем самыми богатыми людьми в Авагаре. Или, все твои рассказы – выдумка? А как же остальные? Они ведь тоже все подтверждают! Или вы сговорились? О, Пирли, я не могу себе представить, что ты на такое способен!

Непонимание жены привело профессора в ярость, и он даже отшвырнул карандаш, который держал в руке.

– Боже, Ларана, как ты могла такое подумать?! Я никогда никого не обманывал, а тебя – тем более. И о каком еще богатстве ты говоришь? Разве мы сейчас плохо живем или тебе чего-то недостает?

– Да, дорогой, мне недостает, твоей любви. Мне, кроме твоей любви, ничего не надо. Я не об этом хотела сказать... – жена обняла его. – Прости, если была резка!

– Я тоже погорячился, но я говорю правду. На том острове живут прекрасные люди, и мне бы не хотелось, чтобы мое открытие, моя слава принесли горе этому народу.

– Ничего не пойму, почему твоя слава может принести им горе? Может, все-таки объяснишь?

– Да, боюсь, своим открытием я принесу им только несчастье. Мы очень далеки от истины, наша жизнь в сравнении с ними напоминает, скорее, жизнь животных...

– Бог с тобой, дорогой, о чем ты говоришь?!

– Вы здесь все еще ни о чем не имеете представления.

– Тогда объясни же мне!

– Это сложно объяснить, это надо видеть, но обещаю сейчас рассказать...

Супруга всплеснула руками:

– Нет, милый, давай позже. Сейчас мне нужно подготовиться к вечернему приему гостей. Благополучное возвращение нужно обязательно отметить в кругу друзей!

– О, нет, Ларана, не сегодня! Мне нужно как следует собраться с мыслями...

– У вас еще будет много времени, да и как можно отменить ужин, гости уже приглашены! Я пригласила наших друзей, они тебя обожают, им не терпится увидеться. Вашего капитана я тоже пригласила. Потом... обещаю подарить тебе романтическую ночь и слушать твой рассказ сорок дней и сорок ночей, – Ларана с улыбкой коснулась его губ. – Дорогой, ты не представляешь, как я безумно тосковала без тебя...

23

– Ужин был великолепен! – произнес капитан, подойдя к профессору. – А что касается ситуации, то можно видеть, что проблемы будут. И уже явно засуетились военные.

– Мы с вами все взвесили, еще будучи на острове. Лучше уничтожить имеющуюся карту, чем предавать христосцев. Так мы оттянем отправку правительственной экспедиции.

– Увы, всего не предвидишь. Пока мы были на приеме у президента, судно навестили люди из военной разведки, и конфисковали бортовой журнал вместе с картой...

Профессор тихо застонал – ему было досадно, что во всей этой кутерьме он не подумал о том, чтобы сразу спрятать бортовой журнал.

– Прошу прощения, капитан Хайнар, – вмешалась в их беседу Ларана. – С вашего разрешения, я супруга забираю, объявлен белый танец.

– Капитан, уверен, наш разговор еще не закончен... – сказал профессор, увлекаемый супругой.

Гости разошлись только к полуночи, поблагодарив хозяев дома за вечер, доставивший всем огромное удовольствие.

– Ну вот, дорогой, теперь мы одни. Идем к нашим девочкам, пожелаем им спокойной ночи.

Они поднялись по боковой лестнице, у двери в детскую их встретила няня:

– Они уже давно спокойно спят, – предупредила она.

Подойдя к спящим детям, Пирли прошептал:

– Спокойной ночи, ласточки мои, извините, что раньше не мог прийти и пожелать вам этого.

Ларана нежно взяла его за руку и сладко шепнула на ухо:

– Теперь, дорогой, иди в спальню и жди меня. Я скоро приду к тебе...

Утром, она сама принесла в постель кофе и начала гладить волосы, упавшие на лицо любимого мужа. Пирли проснулся, открыл глаза и несколько мгновений лежал неподвижно, потом спросил:

– Который час? – спросил он, потягиваясь.

– Десятый, дорогой.

– Десятый!? Как я долго спал. Ведь у меня столько дел.

– Не долго, а сладко. Второй день дома, и уже дела? Нет, этот день наш, а ночь была просто великолепна. Хочу напомнить, ты мне обещал многое рассказать о твоём открытом острове. Кушай, – она пододвинула ему фрукты. – И рассказывай!

Профессор задумчиво отхлебнул кофе. Супруга лукаво на него покосилась:

– Стоит заговорить об этой стране, и ты весь прямо светишься. Не завел ли уж ты там роман?

– Ларана, ты не раз обещала не ревновать меня! Лучше послушай сказку о реальных событиях... Мир этих людей – овеществленная утопия, сказка. Это общество всеобщего братства и любви, понимаешь? В это трудно поверить, прожив всю жизнь в наших условиях, но это так. Сначала кажется, что жизнь их отстает от нашей на века, но при более внимательном знакомстве поражает интеллектуальный уровень этих милых людей. Главная заповедь для них – возлюбить ближнего, и это не пустая болтовня, а реальность каждой секунды их существования. Представляешь, они живут среди золота и алмазов, а используют их, в первую очередь, в качестве промышленных материалов!

– Да дорогой, все это звучит сказочно... Не представляю, как можно жить среди несметных богатств и не ценить их? Кто этот Камрин, о котором ты говорил вчера весь вечер? Видимо, он очень любезен, коли подарил нашим дочерям такой шикарный черный жемчуг.

– На корабле остались и другие подарки от христосцев, их потом доставят.

– Правда!? Очень люблю подарки, тем более из неведомой страны. Ладно, не буду мешать, дорогой – завтракай и можешь спокойно начинать писать книгу, теперь я понимаю, как много ты должен сделать. Только всего еще один вопрос: неужели там тебе не встретилось ни одного плохого человека, человека с дурным характером, а?

– Ни одного, представь! Там все живут без греха. Конечно, поверить в это трудно, но это главное чудо данного острова.

– Я уже сгораю от нетерпения увидеть этих загадочных людей!

– Возможно, и увидишь! Каждую Пасху к нам, в Изавию, на Поклонную гору, тайно приезжают 33 христосца. Никто и не догадывается, что они из неизвестной земли. Как и других паломников их покрывают плащаницей Христа и дают пригубить вино из священного Грааля. Они молятся за мир и не забывают о пролитой крови Иисуса и о том, что мы все дети единого Отца. Эта Пасха прошла, на следующий год, полагаю, приедут Камрин с невестой, они еще не бывали здесь. Уверен, он даст о себе знать, только никому пока ни слова! К тому времени я закончу книгу, это будет подарок не только для них, но и для всех христосцев. Хотелось бы, моя книга читалась как романтическая история, а не сухой научный труд. Назову ее «Остров христосцев»... Или нет – «Остров в океане», так как бы более просто – и, вместе с тем, интригующе! – Он набросил халат и прошел в ванную комнату.

24

Афра задумчиво сидела на берегу.

– Афра, почему ты грустишь? – позвала Винуэла. – Где же твой суженый?

Она звонко засмеялась и присела рядом.

– Вот этого суженого я и жду с утра до вечера. Его нет ни с рыбаками, ни в поле. Зашла в лабораторию, там тоже нет. С тех пор, как уехали эти чужеземцы, он словно о чем-то грустит.

– Разве ты не знаешь его любимое место?

– И там была, его нет. Как будто исчез совсем.

– У той скалы, недалеко от берега, я видела его Сураджа, значит, и он где-то недалеко.

– Почему же я не заметила? Спасибо тебе, Винуэла, я побегу, – заторопилась обрадованная Афра и умчалась, как ветер.

На самом конце мыса была небольшая лужайка, местами она поросла травой, местами ее покрывал прибрежный песок. Лишь с одной стороны тянулась густая бахрома кустов. На протяжении нескольких миль лежал ровный пологий берег, за которым поднималась крутая гора.

Камрин лежал на краю длинной песчаной косы, под высокими деревьями, на мягкой траве. Его мокрые кудрявые волосы прилипли к лицу. Подойдя ближе, Афра с восхищением посмотрела на его тело.

– Я не думала, что теперь мы будем изучать подводный мир, – стараясь скрыть в своем голосе чувство, немного обиженно произнесла она и легла рядом.

Камрин не пошевелился.

Сердце Афры заходило радостью: любимый был рядом – и в то же время его отстраненность томила душу.

Прошли полчаса в молчании, и Камрину стало еще тоскливее. Не понимая, чего ему не хватает, что смущает его покой и беспокоит душу, юноша почувствовал раздражение.

– Надо идти домой, – сказал он, встал и повел за собой коня.

Афра молча пошла рядом.

Камрин все-таки почувствовав, что творится в душе девушки, вдруг остановился и взял ее за руки:

– Афра, ты, наверное, обижаешься, но я сам не понимаю, что со мной! Я хочу, чтобы ты всегда улыбалась, хочу слышать твой голос, готов исполнить любое твоё желание...

– А я хочу, чтобы мой смех звучал с твоим в унисон! Но сейчас, Камрин, в твоих глазах печаль – в чем же ее причина?

– Не знаю... Мне не дает покоя та звезда, вокруг которой, как говорят древние летописи, обращается планета Ферина...

– Камрин, ты же знаешь, меня мало интересуют планеты, я изучаю мир растений. А ты... Ну, ты просто замечтался.

– Нет-нет, послушай, пожалуйста. Я не могу понять, почему эта мудрость древних так притягивает меня. Я словно вижу эту планету в моих снах...

– И кого же ты там видишь? Тебе надо сходить к священнику, помолиться, посоветоваться или зайти к главному ученому, может быть, он что-нибудь объяснит?

Словно не слыша девушку, Камрин тряхнул головой и продолжал:

– Однажды мне приснилось, что эта звезда стала еще ярче. Я протягиваю руки к ее свету, она опускается в мои ладони, скатывается, падает на землю и вдруг становится настолько яркой, что я боюсь ослепнуть, прикрываю глаза. Звезда раскалывается, раскрывается – и появляется прекрасная девушка! Черные волосы до плеч, под длинными ресницами светло-серые,

умные глаза. Что-то меня с этой девушкой связывает, очень сильно. Но какие-то люди и забирают от ее меня. И я больше не вижу эту девушку со светлыми глазами...

– Подумаешь, светлые глаза, у тебя тоже светло-карие. У кого-то темные, у кого-то светлые. И что тебе эти светлые глаза? А, может быть, ты влюбился? Но во что – в мечту?

– Я же тебе говорю – не знаю, что со мной, меня тянет к одиночеству. Вот уже третью ночь эти глаза смотрят, и сводят меня с ума. Я, кажется...

– Почему замолчал? Все-таки, влюбился? Ну, скажи, скажи!

– Опять ты за свое, Афра! Как я могу любить неведомого человека?! Я просто хочу понять, что со мной происходит. В соревновании на ревность ты заняла бы первое место... – хотел пошутить Камрин, но увидев глаза девушки, полные слез, будто, вот-вот польется дождь, поспешил извиниться: – Афра, ну что ты? Ты же знаешь, мне нравится тебя дразнить, как и тебе меня. Это наш маленький грех перед Всевышним.

– Камрин, недавно ты скучал, хотел услышать мой голос. Я сделаю так, что эти светлые глаза тебе больше не приснятся, и ты забудешь об их существовании! – она резко мотнула головой, отбросив волнистые волосы, побежала вперед, но вдруг услышала громкий смех Камрина.

– Вот теперь узнаю свою Афру, – весело крикнул ей вдогонку юноша.

– А ты уверен, что она твоя? – бросила девушка сердитым голосом, но в душе была очень довольна.

«Я узнаю *свою* Афру». Господи, неужели он назвал ее своей Афрой? Эти слова для нее звучали райская песня.

Когда они подошли к замку, Афра, поднимаясь к себе в комнату, заявила:

– Я предупреждаю, что завтра устрою тебе веселую жизнь, ты у меня за все ответишь!

У двери ее встретила мать, слышавшая это обещание.

– Когда же ты повзрослеешь? – качая головой, сказала она и поцеловала дочь. – А король еще хочет вас обречь! Но вы же из детского ума еще не вышли...

Афра радостно покружилась по комнате и обняла мать.

– Ой, матушка! Когда он посчитает меня своей невестой, я быстро повзрослею.

– Дитя и есть дитя. Пойдем ужинать, отец ждет тебя.

– Нет, матушка, меня уже Камрин накормил, я буду молиться и спать.

– Видишь, какой он заботливый.

– Да, очень заботливый! Завтра я буду его угощать его же методом, – Афра, довольная своей задумкой, улыбнулась. Мать, ничего не понимая, покачала головой, закрыла дверь и ушла.

25

Утром, не успев Камрин позавтракать в саду, как подошла Афра.

– Закончил? – поинтересовалась она. – Это хорошо, а то сил не будет, и преимущество может оказаться на моей стороне. Конечно, с вашего разрешения, – добавила она, взглянув на родителей юноши. – Он вчера меня обижал и сегодня ответит за все!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.